

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 5

ЮБИЛЕЙНЫЙ

По материалам
пятой международной научной конференции,
посвященной 50-летию со дня кончины А. П. ПЛАТОНОВА

23–25 апреля 2001 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2003

Наталья Корниенко (Москва)

«ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ»: АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В 1940 ГОДУ

Только тот и достоин жизни, кто способен выйти живым даже из могилы.

А. Платонов. «Размышления о Маяковском», 1940

К 1940 г. в биографии Платонова обращались не раз. Чаще всего в связи с событиями вокруг журнала «Литературный критик»¹. Попытаемся описать этот год, включая другие темы и имена, не менее значительные в жизни и творчестве Платонова.

Если литературный 1937 год был годом Пушкина, то 1940 — годом Маяковского. **4 января** Политбюро ЦК принимает постановление «Об увековечении памяти В. В. Маяковского»: утверждается состав Всесоюзного комитета, которому поручается разработать план мероприятий по увековечению памяти поэта и пропаганде его творчества. Председателем Всесоюзного комитета утвержден Н. Асеев, заместителями — А. Фадеев и П. Тюркин, ответственным секретарем — В. Перцов². Начинается год Маяковского: с февраля один за другим начинают выходить тома Собрания сочинений Маяковского в 12 томах (под общей редакцией Н. Асеева, Л. Маяковской, В. Перцова, М. Серебрянского) и самые разнообразные массовые издания поэта; организуются выставки и юбилейные собрания; в журналах и издательствах печатаются воспоминания, исследования и материалы. Поэт Николай Асеев — ключевая фигура в юбилейных торжествах: с его предисловием выходит первый том 12-ти томного издания, под его редакцией трехсоттысячным тиражом печатается издание Маяковского «Сочинения. В одном томе». 24 января «Правда» печатает главу из поэмы Асеева «Маяковский начинается»³, а 30 января, еще до выхода отдельного издания поэмы, в центральной газете появляется восторженная рецензия: «Повесть в стихах Н. Асеева — событие в советской поэзии, событие большое и радостное»⁴.

Юбилей Маяковского вернул из забвения имена некоторых именитых современников поэта. Печатается «неизданный» В. Хлебников, переписка А. Блока и А. Белого. В малой серии «Библиотеки поэтов» в 1940 г. выходят тома В. Хлебникова, А. Белого и С. Есенина. По выходу последнего критика писала так, как будто в истории русской литературы ничего никогда не происходило. В тихой и благожелательной рецензии С. Павлова естественно ничего не было сказано ни о «Злых заметках» Н. Бухарина, ни о кампании борьбы с «есенинщиной», ни о судьбах есенинского круга поэтов. Однако в том, *что было сказано*, весьма убедительно звучало, что в тридцатые годы запрещенный Есенин оставался не мифической, а вполне реальной фигурой литературного процесса и одним из любимых собеседников читателя. Да, признавался рецензент, за последние 10 лет Есенин «почти не издавался, в немногочисленных антологиях русской лирической поэзии его имя, как правило, отсутствовало, критики и историки современной литературы словно забыли о нем совершенно, будто и на свете не существовало никогда такого поэта. В перечне грехов нашей критики и историко-литературной науки, — этот грех принадлежит к числу действительных и притом трудно оправдываемых». И здесь же: «Для кого же является секретом тот факт, что и по сие время Есенин остается одним из самых читаемых поэтов нашего недавнего прошлого»⁵.

Еще одно имя вернулось из забвения в год юбилея Маяковского — имя Анны Ахматовой, чье отсутствие затянулось почти на 15 лет. В январе 1940 г. Ахматову принимают в Союз писателей, на страницах ленинградских журналов «Звезда» и «Ленинград» печатаются ее стихи. В **январе 1940-го** в Москве решается судьба рукописи стихотворений «Избранное»: она поступила из Ленинградского отделения в головное московское издательство «Советский писатель» 15 декабря 1939 г. — «для ознакомления и окончательного решения вопроса об издании». Описание рукописи содержится в письме на имя директора «Советского писателя» Г. Янцева: «Рукопись не пронумерована, содержит всего 3310 стихотворных строк на 246 страницах. Не пронумерована рукопись потому, что автором дано согласие на отбор и изъятие тех стихотворений, которые редактор и издательство сочтут нужным изъять. Редакторского отбора нами еще не произведено»⁶. В январе рукопись Ахматовой рецензируется К. Симоновым и А. Митрофановым, 4 февраля вместе с отзывами рецензентов отправляется в Ленинград⁷. Начинается издательский процесс. **10 января** в «Литературной газете» проходит сообщение о подготовке однотомника избранных стихов Анны Ахматовой⁸.

Январь ознаменован еще одним событием большого масштаба. Завершен «Тихий Дон». **29 января** Шолохов сообщает Сталину: «Привез конец “Тихого Дона” и очень хотел бы поговорить с Вами о книге» (9, 194). В феврале и марте «Новый мир» печатает последние главы 8-й части романа.

5 февраля «Литературная газета» открывалась специальной редакционной статьей о государственной литературной премии: «Сталинская премия! Как много нужно работать, чтоб получить на нее право! Какого художественного уровня должны достигнуть произведения, какого глубокого проникновения в жизнь и мастерства воспроизведения!» — кроме этой риторики, а также ставших уже аксиомой утверждений о советской литературе как «авангарде мировой литературы», о «знамени реализма» и новом его качестве у советских писателей («Мы творим реализм созидательный, ибо с нами великая партия Ленина–Сталина») и т. п. было недвусмысленно сказано, что сталинскую премию получит тот, кто решит современную тему:

«...современная тема, естественно, должна волновать писателя раньше всего. <...> Рвутся, ломаются старые традиции, старые привычки, старые понятия. На их месте создается новая мораль, новые человеческие ценности, новые отношения людей к труду, собственности, государству. <...> Нам дано применить свой талант не только для критики отжившего, старого, но и для утверждения нового, пути к которому освещены учением Маркса — Ленина — Сталина. Это особое качество советской литературы, многоязычной и многонародной, делающее ее самой передовой в мире»⁹. Все это звучало весьма соблазнительно и возбудило «великие» страсти в литературной среде — претендентов на выражение «нового» к 1940-му было не мало. Объявление о премии в области критики придало литературным спорам особую остроту. В феврале состав комитета по премиям еще не был назван.

К событиям в большой русской литературе, которым не суждено было свершиться в начале 1940 г., с полным правом можно отнести роман А. Платонова «Путешествие из Ленинграда в Москву» — он должен был выйти в издательстве «Советский писатель». Но Платонов откладывал представление романа... У бедствий 1940 г. было много имен и источников. Еще находился в лагере сын, и весь год продолжалась борьба за освобождение Платона. Рисковать жизнью сына Платонов не мог. Крайней была и ситуация с изданиями. После разгромной и масштабной (все опубликовано!) статьи А. Гурвича 1937 г. Платонов практически не мог предложить в издательство переиздание ни одного (!) из своих произведений, чтобы хоть как-то облегчить материальное положение семьи. (Только просмотрев «Книжные летописи» этих лет, по которым видно, как широко использовались разные формы «избранных», можно оценить последствия статьи Гурвича.) К концу 1939-го стало окончательно ясно, что он также не сможет издать книги литературно-критических статей. В отличие от Ахматовой и Шолохова, Платонов с конца 1936 г. принимает активное участие в московской литературной жизни. Прежде всего, как критик, автор статей и рецензий в журналах «Литературное обозрение», «Литературный критик», «Детская литература». Под своим именем он напечатал к 1940-му немного: в 1937 — статьи «Пушкин — наш товарищ», «Книги о великих инженерах», «Пушкин и Горький», «Корчагин»; в 1938 — рецензии на книги «Творчество народов СССР», «Ярославский альманах», статьи об Олдингтоне, Хемингуэе, Чапеке; в 1939 — ни одной статьи и рецензии. Все остальное печаталось под псевдонимами: А. Фирсов — в «Литературном критике», Ф. Человеков — в «Литературном обозрении», «Детской литературе». Псевдонимы в данной ситуации остаются кроме всего знаком границы между литературой и критикой, границы, на которой Платонов не раз настаивал. Отчасти критическая работа была и вынужденной. В 1927 г. Платонов нашел уже формулу собственного участия в советской литературе — «нечитаемый писатель и пишущий читатель» (рассказ «Московское Общество Потребителей Литературы (МОПЛ) (Отчет хроникера)», которая активно реализуется и в пору его критической работы 1936—1941 гг. Позиция «нечитаемого писателя и пишущего читателя» активно проявит себя в языке статей и рецензий 1940 г. и в связях критических установок с теми немногочисленными рассказами, которые будут опубликованы в этом году.

После разгрома «Реки Потудань» именно критическая проза Платонова стала основным направлением ударов по писателю. Из 1939-го перешла в новый год дискуссия о критике, одной из тем которой оставался Платонов. Не забыл Платонова и всесильный А. Гурвич. В **1-м январском** номере «Литературной газеты» печатались литературные мечтания Гурвича о главной книге нового — 1940 — года:

«В новом году я мечтаю прочесть роман, в котором бы очень тесно, вплотную, лицом к лицу и душа в душу сойтись с передовым человеком нашего времени.<...> В новом году хочется прочитать книгу о человеке, незнакомом еще нам по литературе, о великом гражданине социалистического отечества». Имя Платонова возникает в поле романтически-сентиментальных ожиданий некоего главного героя главного романа 1940 г., героя, который умеет слушать и природу, и человека:

«Герой рассказа Платонова “Бессмертие” — Левин умеет слушать. Это очень чуткий и отзывчивый человек. Но он думает, что надо ущемлять и приспособлять свою душу ради приближения к другой, что самому нужно почти онеметь, чтобы слышать все голоса.

В этом ощущении Левина выражена его неполноценность, его отличие от других лучших людей, для которых слушать, впитывать в себя — не жертва, а потребность, не ущемление своей личности, а обогащение ее.

К этим лучшим людям принадлежит Шухов из фильма “Великий гражданин”»¹⁰.

10 января (№ 2) на страницах «Литературной газеты» открывается рубрика «Литературные споры», темой которой становится главное «сражение» ушедшего года. Первым о нем напомнил Михаил Лифшиц, ведущий критик журнала «Литературный критик» и член редколлегии «Литературной газеты», отвечая на «грубые софизмы» В. Ермилова, обвинения, выдвинутые тем в статье «О вредных взглядах “Литературного критика”» (1939. 10 сентября):

«Добрые люди! Трудно избавиться от вашей нежной дружбы. Мы это знаем. Но за немалое время вы вероятно успели заметить, что ваши укусы тоже не смертельны. Зачем повторять старые ошибки. Лучше договориться. Давайте работать каждый по-своему, и пусть нас судят по результатам нашей работы. Но не отнимайте драгоценного времени, не отвлекайте от серьезного дела. Надоело, право, надоело...»¹¹.

Из номера в номер страница «Литературных споров» заполнялась весьма активно. Вот хроника дискуссии (дается по «Литературной газете»):

15 янв., № 3. *Е. Книпович*: «Ничего не поделаешь»; *В. Кирпотин*: «Мировоззрение и художественная литература» — ответы на выступление М. Лифшица и новое разоблачение основных положений книги Г. Лукача «К истории реализма» (1939).

26 янв., № 5. *Г. Лукач*: «Лондонский туман»; *В. Александров*: «К спорам об истории реализма» — выступление представителей «Литературного критика». Лукач подверг резкой критике методологические «схемы» анализа его книги и резюмировал суть «теоретических обобщений» оппонентов: «...Е. Книпович и В. Кирпотин создают фантастический образ моей работы о реализме из собственной головы». В. Александров (псевдоним В. Келлера) обвинил оппонентов в плохом знании ленинской характеристики трех источников марксизма-ленинизма.

30 янв., № 6. *В. Гриб*: «Ближе к делу» — критика позиции Е. Книпович. *В. Кирпотин*: «О народности в искусстве» — напомнил о статье Платонова «Пушкин и Горький» (опубликована в «Литературном критике». 1937. № 6): «Это чудовищная, неслыханная никогда раньше клевета на Горького...»

В первых числах **февраля** в ЦК направляется первая докладная записка «Об антипартийной группировке в советской критике», вслед которой одно за другим отсылаются новые докладные и письма с уточнениями к характеристике «антисо-

ветской группировки», сложившейся вокруг журнала «Литературный критик» (подписанты: А. Фадеев, В. Кирпотин, В. Ермилов)¹². Самое крупное писательское имя, которым оперируют противники журнала, Андрей Платонов.

5 февр., № 7. *Н. Вильям-Вильмонт*: «В защиту культурного наследства» — о некорректном цитировании «Фауста» Гете обеими сторонами, упрек «культурным» теоретикам «Литкритика» Лифшицу и Лукачу в плохом знании 1-й части «Фауста».

10 февр., № 8. *М. Серебрянский*: «К спорам о книге Г. Лукача» — обвинение в «искажении марксизма» и игнорировании ленинской концепции противоречий Льва Толстого (глава о Толстом в книге Г. Лукача).

26 февр., № 11. *О. Резник*: «В поисках ясности» — о выступлении М. Лифшица.

1 марта, № 12. *А. Анисимов*: «Еще о теории Г. Лукача» — «...извратил ленинские взгляды на отношение сознательности и стихийности в рабочем движении». *И. Фрадкин*: «Вульгарные демократы» — критика позиции Е. Книпович («...дикие и политически вредные выводы»). *И. Нович*: «Ирония судьбы» — критика «теорий сторонников тт. Лифшица-Лукача».

5 марта, № 13. *В. Ермилов*: «Г. Лукач и советская литература»:

«Лукач даже не упоминает в своих статьях ни одного имени советского писателя (кроме имен Горького и ... А. Платонова). Теоретика Лукача извращает вопрос о типе советского писателя. <...> Лукач рассматривает <...> Горького как одного из старых писателей классической школы. Нашего “теоретика” не интересует то обстоятельство, что Горький явился первым писателем нового типа. А затем пришли Маяковский, Шолохов, Фурманов, А. Макаренко, Н. Островский и другие».

Г. Лукач: «“Победа реализма” в освещении прогрессистов» — обвинение оппонентов в вульгарном извращении основ марксистского понимания истории. *В. Кирпотин*: «История и современность» — критика высказываний Е. Усиевич о Платонове, прозвучавших на страницах «Литературного критика» еще в 1938 г. («Наиболее талантливым среди писателей, не удовлетворяющихся одними лишь гуманистическими обобщениями, а ищущих жизненных, конкретных и трудных, часто трагических форм развития, является у нас Андрей Платонов», № 9–10):

«Андрей Платонов, следовательно, талантливейший из талантливых, он превосходит не только писателей-дидактов, но и тех художников, которые идут наиболее трудными путями, — ведь в его творчестве так сильны, любезные “Лит. Критику” “предрассудки”, адвокатами которых выступают В. Кеменов и М. Лифшиц в союзе с газетой “Советское искусство”. Мнение это разделяют сотоварищи Е. Усиевич. Александров предлагал Пастернаку (в статье “Частная жизнь”) в качестве примера и образца для воскресения к новой жизни именно Андрея Платонова».

Обсуждалась не просто книга ведущего теоретика журнала Г. Лукача «К истории реализма» (1939), но главным образом вопросы методологии литературы, так или иначе связанные с соотношением мировоззрения и творчества, марксистско-ленинской теорией освоения культурного наследства. При этом противоборствующие стороны, используя имя Платонова, совершенно игнорировали один очевидный факт. В 1939 г. Платонов не опубликовал ни одной статьи в журнале «Литературный критик», более того — открыто дистанцировался от журнала, примером чего

является его выступление на страницах «Литературной газеты» с рецензией на книгу А. Митрофанова «Ирина Годунова»¹³. К единственной публикации Платонова в «Литературном критике» 1940 г. (рецензия во втором номере на книгу рассказов В. Козина) мы еще вернемся. Отметим также, что в обсуждаемой книге Лукача Платонов даже не упоминается. Она в основном посвящена западно-европейской литературе, а из русских писателей в русле общей проблематики реализма Лукачем анализируется мировоззрение Л. Толстого (глава «Толстой и развитие реализма») и феномен М. Горького (глава «“Человеческая комедия” предреволюционной России»). При этом герои произведений Горького (от ранних рассказов до «Жизни Клима Самгина» включительно) рассматриваются Лукачем в общей панораме воссозданных писателем картин предреволюционной России (напомним, что о советской эпохе Горький не написал ни одного художественного произведения). Отсюда и характеристика художественного мира Горького — «“Человеческая комедия” бальзаковского типа», и определение мирового значения писателя: «Горький как великий историк этого периода, как живописатель гибели старого мира становится одним из видных участников борьбы за уничтожение этого мира, одним из значительнейших его могильщиков»¹⁴. Возражая против предложенной Лукачем концепции Горького, Гурвич и Ермилов в 1940-м не устают напоминать об одном демарше «Литературного критика» 1937 г., когда в юбилейном (к 20-летию Октября) номере журнала, среди образов новых героев, созданных советской литературой, появился герой рассказа Платонова «Бессмертие» Эммануил Левин, а автором статьи выступил ведущий теоретик журнала Г. Лукач. В принципе, Лукач не сказал ничего особо крамольного, можно даже сказать, что выдвигаемая им концепция — «Бытие нового человека — в его становлении» — развивает идеи пролетарской литературы двадцатых годов, в частности, концепцию «живого человека», одним из теоретиков которой выступал в то десятилетие именно В. Ермилов. Ср.:

«...сконструировать отвлеченные, но зато вполне определенные, “чистые”, “социалистические” свойства и резко противопоставить их другим, также строго определенным и изолированным чертам, характерным для классового общества (жесткое и безоговорочное противопоставление оптимизма пессимизму и т. п.), — сравнительно легко. Гораздо труднее жизненно и правдиво показать сложный, полный противоречий процесс становления нового человека в общественной среде, также переживающей период становления и еще страдающей от экономических и идеологических пережитков капитализма»¹⁵.

Это главное положение в эстетике «социалистического возрождения» Г. Лукача, через которое и анализируются «противоречия» героя рассказа «Бессмертие». А вот базовые положения эстетики Ермилова второй половины 1920-х — о «рождении нового человека» из главной его книги «За живого человека в литературе» (1928):

«Буржуазное общество оставило нам в числе прочего наследия — разорванного, раздвоенного человека, с постоянным мучительным конфликтом между сознанием и подсознанием, того негармоничного, нецельного человека, который показан нам в гениальных образах Ф. М. Достоевского. В процессе культурной революции рождается новый человек, разум и воля которого находятся в счастливом равновесии. Происходит колоссальное расширение личности, человек находит в себе невиданные, богатейшие, драгоценные залежи, человек впервые находит себя. Оканчивается предыстория человеческого общества. Человек с удивле-

нием смотрит на себя <...>. Человек требует от нас, писателей, — человека. <...> здесь налицо осознанное писателем стремление показать большой психологический процесс во всей его сложной противоречивости, дать внутреннюю динамику»¹⁶.

Дело, скорее всего, не в теоретических дефинициях, а в околотитературных страстях. Напомню содержание раздела «Герои советской литературы» и ряд, в котором появился герой рассказа Платонова (авторы статей указываются в скобках): «Василий Иванович Чапаев» (В. Перцов), «Любовь Яровая» (Ю. Юзовский), «Левинсон» (С. Павлов), «Герой-народ» (А. Зуев, о «Железном потоке» Серафимовича), «Братишка» (С. Петров, — о героях-матросах в советской литературе), «Давыдов» (В. Гоффеншефер), «Павел Корчагин» (И. Сац), «Петр Сурков и Алеша Маленький» (К. Зелинский, о романе «Последний из Удэге» А. Фадеева), «Эммануил Левин» (Г. Лукач). Не исключено, что статья Платонова «Павел Корчагин» писалась именно для этого номера «Литературного обозрения» (опубликована в октябрьском номере «Литературного критика» за 1937 г.).

В 1940-м Платонов печатается в основном в «Литературном обозрении». После 5 марта рубрика «Литературные споры», как и сама тема, исчезнут со страниц «Литературной газеты». У того было несколько причин.

28 марта датируется развернутое сообщение в НКВД об отношении Платонова к литературной дискуссии: «По мнению ПЛАТОНОВА, эта литературная дискуссия является отголоском дискуссии по вопросам всего культурного фронта, имевшей место несколько лет тому назад, когда громили вульгарных социологов. <...> ПЛАТОНОВ сообщил, что на днях обе спорящие стороны подали докладные записки в ЦК ВКП(б) с изложением существа спора»¹⁷. Весной 1939 г. агенты уже доносили, что писатель «почти все время проводит дома и старается всех от себя отваживать»¹⁸. Однако последнее давалось с трудом и начало 1940-го — тому яркое подтверждение. 15 апреля Платонов пишет письмо в редакцию враждующих изданий, «Литературной газеты» и «Литературного критика», письмо — с просьбой не употреблять его имя в целях доказательства собственных «теоретических положений»¹⁹. Однако его не оставляют в покое, как он о том просил в письме, проводя параллель между собой и главным героем гоголевской «Шинели». В связи с апрельским письмом Платонова обозначаются, по крайней мере, два не совсем ясных вопроса. Во-первых, неизвестно, было ли отправлено письмо. Во-вторых, почему среди оппонентов писателя в апреле 1940 г. появился «Литературный критик». Отметим, что имя Платонова в 1940-м ни разу не упоминается на страницах журнала, даже в полемическом «Дневнике критика» (здесь велись критические диалоги с оппонентами журнала²⁰). Выскажем предположение, что обострение отношений Платонова с «Литературным критиком» могло быть вызвано публикацией на его страницах рецензии «О рассказах В. Козина» (№ 2). Второй номер журнала, где она печаталась, был сдан в производство 28 января, подписан к печати — 15 апреля. Весьма большой разрыв, возможно, связанный именно с Платоновым. Кажется также невероятным, что в январе, когда развернулись «литературные споры», Платонов решил выступить на стороне «Литературного критика» и напомнить о своей позиции рецензией на книгу рассказов В. Козина. Не исключено, что данная рецензия должна была печататься на страницах «Литературного обозрения» и попала в «Литературный критик» без согласования с автором. Редакции журналов находились по одному адресу (Тверской бульвар, 25, там же, где жил

Платонов), да и авторский коллектив обоих журналов фактически представлен одними именами.

В 1940 г. за исключением статьи «Размышления о Маяковском», опубликованной в юбилейном номере журнала «Литературное обозрение» (№ 7. 5 апреля), Платонов в основном выступал как рецензент. К тому же — год начинался с рецензий на произведения, вышедшие в провинциальных изданиях:

Январь, № 2 — А. Ершов. В поисках родины. Рассказы. Новосибирск, 1939;

Февраль, № 4 — П. Кучияк. В родных долинах. Новосибирск, 1939;

Апрель, № 8 — Б. Дальний. Дальневосточная поэма. Воронеж, 1939.

Свободен ли был Платонов-рецензент в выборе книг из потока, скорее всего — и да, и нет. Какие-то книги и сборники брались из «Библиографического справочника». Но не все. В «Библиографическом справочнике», заключавшем каждый номер «Литературного обозрения», отдельный раздел составляли вышедшие альманахи и сборники. Осенью 1939 г. провинциальные альманахи и сборники стали самостоятельной темой отдельного номера «Литературного обозрения» (№ 18, сентябрь). Рецензировали данные издания и другие критики (И. Сац, В. Александров-Келлер, Я. Рошин, Е. Усиевич, Ф. Левин и др.), однако основная работа оставалась за Платоновым-Человековым. Однако и в анализе провинциального книжного потока Платонов остается верен себе, высказывая и развивая базовые идеи собственной эстетики. Так, скажем, в книге старейшего сибирского писателя Ершова он выделяет то, что близко ему как писателю. Лучшим называется рассказ «Анка» о судьбе девочки-сироты, может быть, напомнившей автору рецензии его собственную Москву Честнову и не только ее. Слепая Анка — бродяжка, сирота, вместе с другими беспризорными детьми пела на улице и тем зарабатывала на жизнь. О чудесном превращении сироты Анки в певицу Платонов ничего не говорит, лишь подчеркивает, что ставшая знаменитой певица исполняет у Ершова «русские народные песни». О самом авторе говорится — «писатель, у которого дарование умножено на глубокий личный жизненный опыт»; он «издавна имел еще и вторую профессию, благотворно повлиявшую на него как на писателя. Это явление имело место и раньше, вспомним, например, Гарина-Михайловского, инженера и писателя, — и давало иногда превосходные результаты»²¹.

Соотношение литературных тенденций московской и провинциальной литературы — одна из постоянных тем практически всех рецензий Платонова. В частности, в рецензиях о книгах провинциальных издательств кристаллизуются основные положения концепции Платонова о провинциальном характере в целом советской литературы²². Базовые идеи данной концепции были сформулированы им еще в статье «Фабрика литературы» (1927). Полемически заостренный тезис о «качестве» литературы после Шекспира — «Шекспир удовлетворительно писал бы и о слесарях, если бы был нашим современником» («Фабрика литературы») — развивается Платоновым в рецензиях весьма активно и представлен веером жестких и остроумных характеристик:

«Шекспир оборонных пьес», «трупы, украшенные под живых»²³ — о пьесе С. Вашенцева «В наши дни»;

«За смелую попытку изобразить руководителя партии в художественном произведении мы должны быть благодарны т. Панферову, но смелость вдвойне хороша, когда она конча-

ется победой»; «Иногда Панферов пишет, видимо, вовсе безотчетно»²⁴ — о романе Ф. Панферова «Творчество»;

«Мы не смеем предлагать счетоводов в качестве исходных персонажей для создания высоко-положительных образов современности (хотя нечто подобное было бы чрезвычайно интересно), но укажем, что художественно и политически обездоливать уже “обездоленных” “счетоводов” дело слишком легкое и для настоящего художника ложное». «Гоголь в “Шинели” поступил совсем иначе, хотя там ведь тоже был счетовод. Задумав образ Чижова “по Хенкину”, автор осуществил его отчасти “по Зошенко”, а уж закончил судьбу Чижова по-своему, превратив его в фашиста-диверсанта»²⁵ — о романе Л. Соболева «Высокое давление»;

«Она, художественная литература, не побрякушка и не губная помада для украшения, скажем, истории. История сама по себе может быть интересной, и она обойдется без беллетристической косметики»²⁶ — о сборнике орловских писателей;

«С того момента как написана первая строка любого произведения, оно должно держаться своими средствами, а не постоянной ссылкой на действительность. Действительность — не костыли, а искусство — не калека»²⁷ — о произведениях начинающих писателей Красноярского края.

Приемом реализации тезиса о провинциально-экзотическом характере советской литературы исполнена рецензия Платонова на сборник сталинградских писателей «Разбег». Рецензия имела и недвусмысленное авторское заглавие — «В порядке овощей» (снято редактором Ф. Левиным): каждая область славится своими овощами и фруктами, «выращенными на собственной почве», но труднее «создать на территории данной области художественную литературу»; у Шолохова есть чему поучиться, однако не надо тянуть репку, которая «дедкой»-учителем уже вытасчена, и резюме по поводу учебы у Шолохова: «Художник всегда строитель новых дорог, а не путешественник по проторенным, комфортабельным путям»²⁸. (Это, по сути дела, один из первых опытов анализа темы «Шолохов и его эпигоны» и диагноз формулы писателя, дублирующего в многотомных романах собственные опыты чтения «Тихого Дона» Шолохова.)

Вторичность литературных приемов, нарушение правды образа «каралось» Платоновым-рецензентом с не меньшей страстностью, чем массовое в советской литературе нарушение правды жизни. Поэтому столь важными в эстетике новаторства, активно развиваемой в литературно-критических статьях, являются понятия «риска ошибки» (рецензия 1940 г. на книгу Шкловского о Маяковского) и «творческого кризиса» (статья о Джамбуле 1940 г.). Ни на то, ни на другое, по Платонову, советская литература оказалась не способной: «Особенность приема автора в том, что действительность в книге изложена словно на плоскости, в двухмерном пространстве; в книге этой много убежденности, уверенности в найденных общеизвестных истинах, но нет новых изысканий, нет исследования вперед, нет углубления, и если есть в ней глубина, то это глубина фанеры»²⁹.

Вот признаки текста, написанного, утверждает Платонов-рецензент, «по-провинциальному»: «затейливо, поверхностно, общими словами, а зачастую слишком бегло»; «смешное усилие автора писать обязательно красиво»; «жеманство и юмористика»; «автор не может контролировать себя и впадает в дурную прелесть хороших слов»³⁰. А это фигура автора, стоящего за подобным текстом: «робкий, неумелый ученик гораздо более опытных и искусных “творческих работников”, спеку-

лирующих на бдительности, на советском патриотизме, на глубоких и органических чувствах и свойствах советского народа». Провинциального «ученика» с его московским «учителем» объединяет еще одно общее свойство — не только неуважение читателя, но и эксплуатация «доброты и долготерпения читателя-народа»³¹. Филигранно точные характеристики книги воронежского писателя Дальнего имеют безусловно более широкий, чем рецензируемое издание, контекст, в том числе и московский: «слишком условная проза», «проза понятий»; «Идеальный герой действует в совершенно идеальной сфере — в пустоте»³². (Ср. с рецензией на книгу рассказов Паустовского, опубликованной в сентябрьском номере журнала «Детская литература» за 1940 г.) А, скажем, вот эти размышления скорее вызваны вовсе не книгой Дальнего, а идущей дискуссией о критике, где обе противоборствующие стороны неизменно апеллировали к классикам марксизма-ленинизма и упрекали друг друга в сущности в одном — в нарушении принципов *диалектического метода* при анализе явлений литературы:

«Искусство не должно нуждаться в ссылках и апелляциях к внешним источникам, чтобы подтвердить истину мысли автора или характер изображаемого им лица. Все, бывшее дотоле внешним, искусство превращает в свое внутреннее качество, в собственную энергию, и само может служить силой действительности, инстанцией для ссылки и апелляции»;

«Для создания литературного произведения требуется, чтобы к воображению была добавлена доля личного опыта, доля собственной пережитой участи, доля реальности и действительного глубокого чувства — или хотя бы доля точного наблюдения и полного знания предмета»³³.

Без преувеличения можно сказать, что рецензии Платонова складываются в оригинальную авторскую «Историю советской литературы второй половины 1930-х», опыт которой все еще остается не востребованным ни отечественной, ни зарубежной славистикой. Жалко и одновременно смешно, ибо многие наши новаторские и смелые суждения о языке советской культуры сталинской эпохи были высказаны и сформулированы Платоновым в те годы.

В предложенной Платоновым-рецензентом Истории советской литературы именно в 1940 г. вопросы детской литературы (к ним Платонов-рецензент начинает обращаться в 1939 г.) оформляются в цельную концепцию, центром которой становится русская классика.

В 1940-м Платонов становится одним из авторов журнала «Дружные ребята», отдельным изданием в Детгиздате выходит «Июльская гроза»³⁴. Осмысление темы отношений Платонова и советской детской литературы (как и отношений с ее творцами) нам еще предстоит. В нашей хронике 1940 г. отметим лишь события из литературной жизни, несомненно повлиявшие на выбор произведений Платонова-рецензента, а также маркирующие основные направления поисков Платонова-прозаика в рассказах о детях и для детей конца 1939—1940 гг. У высокого уровня обсуждения вопросов советской детской литературы в 1940 г. были свои причины: осенью-зимой 1939 г. состояние детской литературы и работа Детгиза обсуждается в ЦК ВЛКСМ, принимается специальное решение о детской литературе. Так что открытие детских изданий для Платонова, как ни покажется странным, во многом было обязано высоким партийным решениям, ибо журналы и издательства начали искать новых авторов. **9 января 1940 г.** вопросы советской детской

литературы рассматривались в Союзе писателей на высоком уровне — заседании Президиума ССП. С докладами о состоянии детской литературы и новых ее задачах, поставленных ЦК ВЛКСМ, на президиуме выступили С. Маршак, К. Чуковский и А. Фадеев. В прениях участвовали К. Федин, В. Шкловский, С. Михалков и др. Естественно подводили итоги (их было не мало), анализировали успех книг А. Гайдара и Р. Фраермана, ругали Детгиз, решали, кто напишет биографию Сталина для детей, искали ответ на вопрос «Кто виноват» и т. п. В выступлении Фадеева прозвучали и слова в адрес «Литературного критика» и «Литературного обозрения»: «Почему так редко писатели и критики для взрослых задумываются над вопросами детской литературы»³⁵. Ищу в стенограмме хотя бы упоминание имени автора «Июльской грозы» и рецензента некоторых именитых авторов, проходящих по ведомству детской литературы для старшего возраста. Естественно, не нахожу. Ищу и другое имя — М. Зощенко, чья статья «О детской литературе» датирована именно **9 января**. Возможно, автор рассказов о Ленине и был на президиуме, но слова не получил, а потому привезенный текст доклада появился в редакции «Литературного обозрения» и на машинописи доклада-статьи вписана дата дня данного писательского форума. Приведем некоторые положения из статьи Зощенко, положения, которые мы не нашли в стенограмме заседания президиума, ибо Зощенко ставил вопросы читателя и языка русской литературы, а само ведомство детской литературы вызывало у него большое сомнение:

«Почти двадцать лет взрослые считали, что я писал для ихней забавы. А я для забавы никогда не писал»;

«Следовало бы пересмотреть тематику детской литературы. Я не против трогательных описаний кошек и птичек. Но не хотелось бы этим заслонить человека»;

«Во всяком случае, как ни странно, взрослый читает плохие вещи без особого раздражения, и даже иной раз не без удовольствия».

Что касается детей, то [*подобное обстоятельство для них абсолютно неприемлемо,*] **дети почему-то не соглашаются читать плохую продукцию**. А провести или надуть маленького читателя в этом деле совершенно нельзя.

Запутанная, без нужды усложненная композиция, плохой, надуманный синтаксис, дурно изложенная тема — вот вещи, непригодные для маленького читателя» (Курсивом в квадратных скобках обозначен исправленный в машинописи текст, полужирно новая редакция. — *Н. К.*).

Рассказы о Ленине — «опыт работы в детской литературе»: «...эта работа лежала на моем пути, по которому я иду в поисках подлинной народной формы»³⁶.

Не известно, почему редакция «Литературного обозрения», подготовив статью Зощенко, в конечном итоге от нее отказалась. Не известно, встречались ли на Тверском бульваре, 25 в январе 1940-го Платонов и Зощенко. Не менее существенна близость их позиций по детской литературе. Не потому ли, ни Платонов, ни Зощенко никогда не войдут в отряд деятелей советской детской литературы?.. Нет их имен и в дальнейшем планировании столбовых дорог развития советской детской литературы. А оно продолжалось и после заседания президиума. **11 января** в Союзе писателей заседает комиссия по детской литературе (председатель — С. Маршак). Принимаются решения, как «не пропускать плохую литературу», выбирается бюро, отвечающее за организацию работы (Маршак, Чуковский, Шкловский,

Ильин, Барто, Ивантер, Фраерман, Фадеев, Ярцев, Мишакова, Мантейфель)³⁷. **28 января** — новое заседание комиссии, посвященное перспективному планированию. «Детскую литературу еще надо строить. Это литературострой»³⁸ — это определение, прозвучавшее в выступлении Маршака, наиболее емко характеризует принятые решения. Вопрос, кого привлечь к детской литературе, обсуждался бурно. Были созданы группы по самым разным направлениям и разделам литературы для детей: по классике (Чуковский, Роскин, Андронников), по литературе народов СССР (Фраерман, Квитко, Шагинян, Маршак), по истории (Шкловский, Тарле, Штурм), по сближению с наукой (Шкловский, Сафонов, Паустовский), дошкольная группа (Маршак, Барто, Михалков, Гайдар), по старшему возрасту (Кассиль, Вс. Иванов, Новиков-Прибой, Симонов)³⁹ и т. д. Весьма внушительно выглядел и список кандидатур на написание биографии Сталина: В. Катаев, К. Федин, Л. Никулин, Е. Петров, Ю. Герман, В. Шкловский, М. Колосов и др. Не принятым оказалось предложение Маршака привлечь к работе в группе по связям с наукой М. Пришвина. Имени Платонова не назовет никто, но многие участники «детского литературостроя» 1940 г. (от члена бюро Кассиля до рядового Сафонова) останутся в истории русской литературы не своими творениями, а лишь как предмет рецензий Платонова последнего предвоенного года. Рассказы же Платонова 1939–1940-х гг. о детях «разных возрастных групп» («Великий человек», «Алтэрке», «Свет жизни», «Корова», «Течение времени», «Уля»), в которых, по меткому определению А. Чаковского, явлены «якобы советские дети», остаются одной из вершин большой русской литературы для детей и взрослых.

Перефразируя широко известное платоновское определение сущности критики, можно сказать, что в рецензиях Платонов «довыработал недра» советской литературы для детей и взрослых и, как и положено «идеальному» критику, «доделал начисто не совершенное автором».

* * *

В апрельском номере журнала «Индустрия социализма» (номер сдан в набор — 29 февраля и 19 марта, подписан к печати 16 апреля) публикуется рассказ Платонова «Жизнь в семействе», новая версия (редакция) рассказа 1936 г. «Среди животных и растений». В 1936-м платоновский шедевр был дружно отклонен за несоответствие формулы героя реальному прототипу, а также — за огромное количество «нехороших» намеков Платонова на советскую литературу⁴⁰. Но и в новой редакции рассказ зимой и весной 1940-го обладает интерпретаторской способностью. Вот лишь два фрагмента о читательских интересах стрелочника Федорова-Пучкова, когда текст выступает полновесным интерпретатором событий литературной жизни 1936-го и равно 1940 г.

«Приезжал среди лета член Союза писателей и делал доклад о творческой дискуссии; Пучков тогда задал ему шестнадцать вопросов и взял в подарок книгу “Путешествие Марко Поло”, а писатель потом уехал. Книга та была очень интересной; Сергей Семенович сразу начал ее читать с двадцать шестой страницы. Вначале писатели всегда только думают, и потому от них бывает скучно, самое интересное бывает в середине или в конце, и Пучков читал каждую книгу вразброд — то на странице номер пятьдесят, то двести четырнадцатой. И хотя все книги интересные, но так читать еще лучше и интересней, потому что прихо-

дится самому соображать про все, что пропустил, и сочинять на непонятном или нехорошем месте заново, как будто ты тоже писатель»⁴¹.

При публикации в 1940 г. снимается отредактированный фрагмент текста 1936 г., обладающий убийственной характеристикой враждующих лагерей критики в их борьбе за верное понимание диалектических основ развития жизни и искусства. Для яркости иллюстрации воспроизведем снятый в 1940 г. фрагмент рассказа в его рукописной (полужирно) и окончательной машинописной редакции 1936–1940 г. (курсив):

«...Если ум его уставал, он выходил проветривать голову; но снаружи всегда где-нибудь играла музыка — либо гармония в рабочем общежитии, либо патефон из окна квартиры зажиточного служащего. Иван Алексеевич тогда застаивался на ногах или садился на местный камень и слушал игру полностью до конца, счастливый и готовый на подвиг. *Но изредка музыка и чтение вдруг переставали на него действовать, даже более того — [Иван Алексеевич] Сергей Семенович приходил в отчаяние или раздражение, не видя той светлой перспективы, которую всегда ему обещала музыка, чтение, искусство фантазии и волнение чуткого сердца. Он вдруг как бы становился неумным и равнодушным. Начитавшись <нрзб.> разных книг, в том числе и по диамату, Федоров сразу догадался, что это в нем действует противоречие [действительности], которое радость производит в ничто, и может из горя вывести счастье. Но поскольку это было истиной, как жалко было ему, что из истины не существует выхода. Вскоре же прочтя книгу по диамату [Федоров] Пучков понял, что внутри его действует противоречие и потому бывает с ним темная чужая печаль. Но поскольку это было истиной, как жалко было ему, что из [истины нет выхода. / нет выхода] не существует выхода истина это тоже труд»⁴².*

Не забудем о платоновском «противоречии действительности», возвращаясь к мартовскому завершению публичной дискуссии о критике. Возможно, был приказ сверху. В марте отряду критиков необходимо было уже готовиться к главному юбилейному событию года (торжественно-траурное собрание, посвященное 10-летию смерти Маяковского, пройдет **14 апреля** в Большом театре). Увлечшись взаимными обвинениями и уточнениями, как по-марксистски понимать «противоречия» у классиков, главная литературная газета в феврале даже не отметила начало публикации последних глав «Тихого Дона». Прошло незамеченным и еще одно событие литературной жизни 1940 г. — смерть М. Булгакова (**10 марта**). Под опубликованным nekрологом Булгакову не было ни одного писательского имени, он был подписан президиумом Союза писателей и напечатан на последней странице «ЛГ»⁴³. Ведущие критики, занятые глобальными вопросами мировоззрения, в марте оказались не готовыми к обсуждению финала «Тихого Дона». **1 марта** «Литературная газета» печатает статью Ю. Лукина «Окончание “Тихого Дона”», а 5-го — одну из глав последней части «Тихого Дона». Редактора Гослитиздата никак нельзя отнести к известным московским критикам. Он был далек от этой среды. Установки, как читать финал романа, еще не сложились, кажется, ни у Ермилова, ни у Кирпотина. Однако — они были у «Литературного критика»: одним из ведущих критиков журнала являлся В. Гоффеншефер, главный московский исследователь Шолохова.

Первое выступление Лукина, можно сказать, было даже слегка свободно от главных забот ведущих критиков «ЛГ», как и от их мечтаний по поводу главного

романа 1940 г. Приведем большой фрагмент статьи Лукина, ибо здесь прозвучали вопросы, к которым затем не раз будут возвращаться все писавшие о «Тихом Доне»:

«...Одни требовали, чтобы автор сделал Григория коммунистом; другие, наоборот, считали, что слишком велик для этого груз за плечами Григория, груз его активной вооруженной борьбы против советской власти. <...> третьи требовали смерти Григория; и т. д. Вариантов предлагалось много.

И вот восьмая часть «Тихого Дона» написана. Роман закончен. Эта книга — подлинная трагедия. Те читатели, которые ожидали счастливого конца, ошиблись. Но ошиблись и все. Конец романа необычайно сложен и в то же время ошеломляет очевидной, исключаяющей все другие варианты, верностью решения. Судьба Григория оказалась тяжелой и мрачной. Первое ощущение после того, как прочтешь эту книгу, — ощущение большого потрясения. <...> Мы испытываем нечто похожее на ощущение детей, впервые видящих смерть. Григорий умирает в этой книге, хотя он остается в живых до последней страницы. Он умирает на наших глазах. <...> сложно и глубоко ответил Шолохов на все читательские положения. <...>

Он (речь идет о Григории Мелехове. — *Н. К.*) оказался не в силах выпутаться из переплета сословных предрассудков, которые веками культивировал царизм в казачестве. <...> Трагический смысл книги, мне кажется, в этом. Слишком сложны оказались для него противоречия и связи, из которых он не нашел выхода, — выхода, который спас бы его. В этом состоит то, что назвали бы в эстетике его «трагической виной», обусловившей трагическую развязку».

Как применить к «Тихому Дону» любимый тезис советских критиков о диалектическом взаимодействии противоречивых тенденций, не сразу стало ясным. В марте В. Гоффеншефер предложит считать первой кульминацией романа «точку службы Григория в Красной Армии» — это «верный путь» героя, с которого тот «срывается»:

«В последней части «Тихого Дона» кончается повесть о Григории — искателе социальной правды, и начинается повесть о Григории — искателе покоя. Грустен и горестен конец романа, когда окончательно надломленный Григорий решает вернуться в осиротевшему дому (далее цитируется финал. — *Н. К.*).

Этими *горькими строками* кончается повесть о герое исключительной по-своему *жизнеутверждающей эпопеи*.

Формально перед нами тип «отрицательный». Участник белоказачьего восстания. А советский читатель, быть может, тот самый, который в борьбе с подобными Григорию людьми проливал свою кровь, волнуется за его судьбу иногда больше, чем за судьбу какого-либо схематически изображенного «положительного» героя. Происходит это потому, что Шолохов глубоко и правдиво раскрывает в его образе и судьбе *противоречие* между подлинным положением человека труда и ложным положением в стане эксплуататоров, между его подлинными человеческими внутренними побуждениями и стремлениями и его ошибочными внешними действиями. Драматизм этого положения вызывает в нас сочувствие потому, что отражает *объективное противоречие*, которое было характерно для какого-то слоя людей труда, одетых в казачью форму и опутанных реакционными предрассудками»⁴⁴.

В феврале и марте советская критика была вооружена блистательными аргументами и выверенным теоретическим аппаратом для развенчания главного героя

«Тихого Дона», да и его автора. Но указа такого сверху не поступало. О том, что «неясности» придется как-то читателю все-таки растолковать, свидетельствовал одобренный **23 марта** Политбюро ЦК проект постановления СНК СССР «О порядке присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства». Постановлением определялся состав Комитета: В. И. Немирович-Данченко (председатель), Р. М. Глиер, М. А. Шолохов и А. П. Довженко (заместители председателя). От писательской организации в Комитет вошли: Н. Асеев, И. Большаков, А. Гурвич, Я. Купала, А. Корнейчук, А. Толстой, М. Храпченко⁴⁵.

Дата принятия данного документа безусловно определила и выступление «Правды», где только **23 марта** появился отклик на завершение «Тихого Дона». Автор статьи «Конец Григория Мелехова» — Д. Заславский, московская знаменитость, «увекоченная» в творческой истории «Четвертой прозы» (1930) О. Мандельштама. Повторив ряд общеобязательных и кочующих из статьи в статью положений о «толстовской школе» в изображении Шолоховым казаков, о том, что роман любим массовым читателем, помянув «предателя Троцкого», указав, что 4-я книга «Тихого Дона» доказывает «верность стратегического плана Сталина по разгрому интервенции» (в романе Сталин не упомянут ни разу, не написал Шолохов и вставной повести, типа «Хлеба» А. Толстого), Заславский выскажет весьма серьезные претензии именно к автору романа «Тихий Дон». Если исходить из главных установок советской литературы, утверждал критик, то «Тихий Дон» не может быть назван советской эпопеей. Это «односторонняя эпопея», ибо «солнечным светом залито все, что находится в пределах станицы Вешенской <sic!>. Здесь рельефны люди и природа. Все обладает весом, объемно, в трех измерениях. Одного героя не спутаешь с другим. У каждого свое лицо, своя речь. Но стоит выйти человеку за пределы станицы Вешенской — и он как бы сразу попадает в тень. Это произошло даже с Григорием Мелеховым...» Оговорка почти эмблематична. Естественно, что в «Тихом Доне» нет Вешенской. Ареал хутора Татарского открывает и венчает «Тихий Дон», а в станице Вешенской живет автор романа Михаил Шолохов. К нему собственно и обращен главный вопрос, *почему* «красноармейский» период в биографии Мелехова написан так схематично: «...попал в Красную Армию, воевал против белополяков, — и от всей этой, хотя и кратковременной, но важнейшей полосы в жизни Григория, осталась только анкетная справка»⁴⁶. Если помнить, что в советской литературе в 1939–1940-х гг. «оборонная» тема выросла до центральной и появились, как точно подмечал Платонов, свои Шекспиров обороны, то за замечанием «Правды» прочитываются весьма серьезные претензии к финалу романа. Михаил Кошевой, который, можно сказать, «оборонную» тему в 8-й части представляет (ее смысл точно передан в аргументах Кошевого во время его встречи-диалога с вернувшимся из Красной Армии Григорием Мелеховым), в последних главах написан не менее скупое. На вопрос Григория («Михаил дома?») Акси́нья сообщает: «Нету Михаила, второй месяц в Вешках, служит в какой-то части». Комментаторы когда-нибудь уточнят, что стоит за «какой-то частью». Однако одну параллель — в связи с «оборонной» темой — хотелось бы провести. Председатель хуторского Совета Мишка Кошевой скорее всего отбыл в том направлении, в каком летом 1920-го отправился у Платонова безымянный председатель совета деревни Верчовка — «отбыл в краткий срок на контратаку против всех бандитов-паразитов и ранее победы не вернется ко двору» («Родина электричества», 1939).

Постановление о Сталинских премиях породит «великие» страсти в литературной среде. Выбор претендента среди поэтов был предreshен юбилейным годом Маяковского. Одно имя среди членов Комитета могло спутать планы, имя Шолохова. Об этом чуть ниже. Прошедшее в мае в Союзе писателей обсуждение «Тихого Дона» не вышло на страницы периодики — финал романа возмутил, но с раскладом сил не все еще было ясно. Московская литературная среда была не готова, а точнее — не хотела выдвигать «Тихий Дон» на Сталинскую премию.

В конце мая наконец-то выходит книга стихов А. А. Ахматовой «Из шести книг». 5 июня в разделе «Новые книги» ЛГ даст следующее сообщение:

«Стихотворения Анны Ахматовой.

Ленинградское отделение издательства “Советский писатель” выпустило сборник Анны Ахматовой “Из шести книг”.

Сборник включает в себя свыше 200 избранных стихотворений из книг Анны Ахматовой: “Ива” (1940 г.), “Анна Домини” <sic!> (1923 г.), “Подорожник” (1921 г.), “Белая стая” (1914 г.) и “Вечер” (1912 г.).

Около 30 стихотворений первого раздела — “Ива” — печатаются впервые»⁴⁷.

В этом сообщении главной литературной газеты впечатляет не столько даже грубая ошибка в заглавии книги Ахматовой «Anno Domini», сколько указание на пропорции представления старых и новых стихотворений в книге 1940 г. Это был откровенный донос, рассчитанный на «хорошую» память критиков-читателей, ибо о 170 (!) стихотворениях новой книги, кажется, еще в середине 1920-х было все сказано.

После «Тихого Дона» выход книги Ахматовой стал вторым крупным событием 1940 г. 10 июля «ЛГ» откликнется на новую книгу Ахматовой статьей В. Перцова «Читая Ахматову». Один из активных участников травли Ахматовой писал словно запямятовав о приговоре, который был им лично произнесен в 1925 г. Напомним:

«...у языка современности нет общих корней с тем, на котором говорит Ахматова, новые живые люди остаются и останутся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, запоздавшей родиться или не сумевшей вовремя умереть, да и самое горькое ее страдание сочтут непонятной прихотью»⁴⁸.

В 1940-м Перцов пишет так, как будто Ахматова все годы отсутствия где-то отдыхала. Стиль тихого цинизма:

«Поэзия Ахматовой “затонула” на многие годы — последняя ее книга вышла в 1923 году. Ахматова продолжала писать стихи, которые мы не читали. И вот через 17 советских лет — период времени геологический — появляется ее новая книга. <...>

Мастер не устал, не состарился, не растерял и себя, несмотря на столько лет уединенной жизни»;

«На восприятии этих стихов как бы проверяется качество нашей новой жизненной установки, ее многоплановость и направленность к общему, а не к частному, к судьбам человечества. И качество любви нашей другое — она, как сказал Маяковский, “пограндиознее онегинской любви”. Героиня Ахматовой и мы — люди слишком разные. Это и не может не сказаться, несмотря на былое и настоящее мастерство»⁴⁹.

Равнодушно-этикетный отклик «Литературной газеты» позволяет предположить, что рецензия Платонова на выход книги Ахматовой как-то связана и с выступлением В. Перцова. Читаем машинописный текст рецензии, который был сдан **в июле** в редакцию «Литературного обозрения»:

«Голос этого поэта долго не был слышен, хотя поэт не прерывал своей деятельности: в сборнике помещены стихи, подписанные последними годами. **Мы не знаем причины такого обстоятельства, но знаем, что оправдать этого обстоятельства ничем нельзя, потому что Ахматова поэт высокого дара, потому, что создает шедевры, и задерживать или затруднять опубликование ее творчества нельзя...**»;

«Вещи, в которых есть признаки совершенства, не нуждаются в помощи, потому что совершенство всегда могущественно само по себе»;

«Воздействуют ли благотворно на душу советского читателя только те произведения искусства, в которых изображается конкретная современность, или благотворно и глубоко могут воздействовать и другие произведения искусства, хотя бы они современности не касались вовсе или касались ее отвлеченно и косвенно?»

«Не всякий поэт, пишущий на современные темы, может сравниться с Ахматовой по силе ее стихов, облагораживающих натуру человека, как не всякий верующий, непрерывно бормочущий молитвы, есть более святой, чем безмолвный»⁵⁰.

Выделенный полужирно фрагмент — это тот, от которого редакция, готовя статью в 15-й номер, предложила сразу отказаться. Подчеркнутое — это лишь некоторые отмеченные синим карандашом редактора сомнительные утверждения автора статьи. Летом 1940-го журналу совсем не нужна была дерзкая полемика с «Литературной газетой». Тем более — в лице Платонова. Недвусмысленно звучал и намек на некоего поэта-современника (в кулуарах уже было известно, кто станет первым лауреатом Сталинской премии в области поэзии). Представляется вполне вероятным, что летом 1940-го, когда Шолохов был в Москве, они с Платоновым говорили о книге Ахматовой, не исключено, что выдвижение Шолоховым именно Ахматовой на главную премию СССР в области поэзии вызревало в этих беседах.

15-й номер журнала, в архиве которого и находится подготовленная редактором рецензия Платонова, был сдан в производство **22 июля**.

Где-то в эти дни Платонов был у Б. Пастернака в Переделкино. Об этом мы узнаем из письма Пастернака Ахматовой **от 28 июля 1940 г.** Почти все письмо посвящено выходу книги: поздравление с «великим торжеством», восторг, глубочайший анализ, построчные указания на «гнезда сплошных драгоценностей», рассказы-этюды о собственном восприятии... Миг литературного факта-события-«сенсации», каким стал выход книги Ахматовой, запечатленный словом большого поэта... Обратим внимание на два фрагмента письма, имеющих отношение к Платонову:

«На днях у меня был Андрей Платонов, рассказавший, что драки за распроданное издание продолжают и цена за подержанный экземпляр дошла до полутора рубля. Неудивительно, что, едва показавшись, Вы опять победили. Поразительно, что в период тупого оспаривания всего на свете Ваша победа так полна и неопровержима»;

«Тон Перцова возмутил нас всех, но тут думают (между прочим, Толстой), что кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о Вас в журнале, а не в газете»⁵¹.

Платонов был у Пастернака *сразу* после сдачи своей рецензии, но даже малейшего намека на это в письме нет. Вряд ли Платонов скрывал от Пастернака факт написанной им рецензии. Тогда странным кажется пассаж о «настоящем писателе», который должен ответить Перцову, ведь ответ уже написан, причем, тот ответ, который и сегодня остается самой значительной рецензией на книгу Ахматовой 1940 г. Кажется, что Платонов как бы и не относится Пастернаком к «настоящим писателям». Даже если предположить невероятное, что именно после посещения Пастернака Платонов написал свою рецензию, то все равно это не стыкуется с текстом письма. Отметим сразу, что именно Алексей Толстой совсем скоро напишет рецензию-рекомендацию для Комитета по Сталинским премиям: «Поэма Асеева — большое поэтическое произведение большого мастера...»⁵². Подобных слов не принадлежащий к переделкинскому кругу «настоящих» писателей Платонов написать не смог бы никогда. В стихотворении Ахматовой 1916 г., цитированием которого завершается в 1940-м его рецензия, Платоновым сделана одна купюра и введено многоточие:

«Ахматова сказала в своей книге:

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистошима только синева
Небесная...

Будем же ценить поэта Ахматову за неповторимость ее прекрасных слов, потому что она, произнося их, тратит слишком много для нас, и будем неистошима к ней в своей признательности» (2, 363).

Уберем отточие, введенное Платоновым при цитировании стихотворения Ахматовой 1916 г., — «..., и милосердье Бога»...

25 июля издательство «Советский писатель» напомнило Платонову о необходимости представить роман «Путешествие из Ленинграда в Москву». Днями решался вопрос этапирования Платона из Норильлага в Москву, в Бутырскую тюрьму — на доследование (4 сентября сын в Москве, где он будет находиться до конца октября). **26 октября** Особым совещанием при НКВД принято решение об освобождении Платона Андреевича Платонова⁵³.

Ответ Платонова читается в контексте этой ситуации:

«В Издательство Советский писатель.

На Ваше письмо НЮР-13 от 25/VII т.г. сообщаю следующее свое предложение об урегулировании своего долга Изд-ву — 4921 р.

По независящим от меня обстоятельствам книга «Путешествие из Ленинграда в Москву» будет представлена в Изд-во осенью этого года. Поэтому, чтобы немедленно ликвидировать свой долг Изд-ву, я предлагаю Изд-ву для издания сборник своих рассказов, объемом в 12–13 авт. листов.

Рукопись книги может быть представлена в течение 5 ближайших дней. Гонораром за эту книгу с избытком покроется мой долг.

29/VII 1940

Андрей Платонов»⁵⁴.

Редакторское резюме в верхнем углу: «<нрзб.> просить автора представить рукопись на просмотр. 9/VIII». 10 августа за подписью и.о. главного редактора Рази-на Платонову было отослано письмо с просьбой «представить рукопись “Сборник рассказов” — для ознакомления»⁵⁵.

Судя по косвенным данным, Платоновым была составлена рукопись рассказов под заглавием «Течение времени» (оглавление сохранилось в архиве М. А. Платоновой). Издательская судьба этого сборника остается неизвестной. К осени ситуация вокруг Платонова не разрядится, а скорее усугубится.

Запрет на публикацию рецензии Платонова на книгу Ахматовой был наложен главлитом и цензурой, очевидно, в **августе**, а потому выход номера задержался и был подписан к печати только **3 октября**, и уже — без рецензии Платонова (в 1940-м у журнала это был первый самый большой промежуток между датой сдачи в производство и датой подписи к печати — более 2-х месяцев).

Платонов, конечно же, знал о причинах задержки 15-го (ахматовского) номера. В № 16-м — рецензий Платонова не было, а в 17-м — его рецензия на книгу В. Шкловского «О Маяковском» (номер сдан в набор **26 августа**, подписан к печати 14 октября), в которой самая неллицеприятная характеристика дана тем страницам книги Шкловского, на которых упоминается Ахматова:

«Ахматова конкретна, — пишет Шкловский, — как мастер лимузинов.

Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой”.

“Как мастер лимузинов” — Шкловский сказал для своеобразия. Означает же это вот что: Шкловский думает: у всех же так, трогают вначале что-нибудь, допустим, — колени. А затем — одинаково. Это похоже, как лимузины, думает Шкловский. Он *не понимает*, что мысли и действия людей в одинаковых обстоятельствах тоже почти одинаковы (и здесь нет ничего дурного, порочащего), но чувства их всегда разнятся, чувства их всегда индивидуальны и однократны. Действия шаблонны, а жизнь неповторима. Ахматова пишет именно об этом, а Шкловский, *не понимая*, думает о производстве лимузинов: играя метафорой, автор и выигрывает одну метафору» (2, 355).

* * *

Осенью имя Платонова неожиданно появится на страницах «ЛГ» в связи с начавшимся широкомасштабным обсуждением «Тихого Дона». У того было несколько причин. Кажется невероятным, но летом 1940 г. Платонов возвращается к уже закрытому в конце 1939 г. вопросу об издании книги «Размышления читателя». Об этом говорит письмо члена президиума и руководителя секции критиков Союза писателей В. Кирпотина от **10 августа 1940 г.**:

«Товарищ Платонов!

Отзыв о книге Вашей “Размышления читателя” (вместе с гранками этой книги) я отправил в президиум ССП не меньше, чем три недели тому назад. Я делал эту работу по поручению Фадеева, переданному мне через секретариат Союза, как поручение президиума. Поэтому весь материал и вернул в президиум, куда вам и следует обратиться»⁵⁶.

Как мы видим, судьба «Размышлений читателя» решалась на самом высоком уровне и не исключено, что какие-то ответы хранятся в протоколах и стенограммах заседаний президиума ССП. Документы этой ситуации, включая письмо Платонова Кирпотину, еще нужно искать. Но очевидно, что ведущие критики Союза писателей, включая Кирпотина, Тимофеева, Гурвича и Ермилова, летом-осенью не просто участвовали в решении вопроса об издании «Размышлений читателя», но и вынуждены были перечитать книгу Платонова. Это первая причина появления имени Платонова в дискуссии о «Тихом Доне» осенью 1940 г. И не менее существенна вторая причина. В московской литературной среде, особенно на пятачке Тверского бульвара, 25, хорошо знали о посещении М. Шолоховым квартиры Платонова, и потому появление имени Платонова в дискуссии о «Тихом Доне» отмечено особым подтекстом и во многом связано с концепцией трагического, как она излагалась им в литературно-критических статьях. Заметим, кстати, что в лексиконе критиков эта категория до выхода «Тихого Дона» отсутствовала, а выявленное религиозное содержание трагического у Платонова (как в рассказах 1936 г., так и в его статьях) было выдвинуто в качестве главного обвинения в «несоветскости» и «антинародности» (А. Гурвич, 1937). Финал «Тихого Дона», напроць лишенный оптимизма, как о том сразу написал В. Гоффеншефер, много смешал в распорядке московской литературной жизни. Весна и лето прошли в размышлениях. Во второй статье Ю. Лукина «Большое явление в литературе», также опубликованной на страницах «ЛГ», в понимание «Тихого Дона» как «народной трагедии» были уже внесены необходимые социально-исторические коррективы, сделаны ссылки на Ленина, а также на то, как понимал народность В. Белинский. Почти все писавшие в 1940 г. о «Тихом Доне» отмечали, что четвертая книга наиболее сильная в романе, а также самая неясная с точки зрения общественно-политического ее смысла. Почему Шолохов что-то скрыл и «недосказал» как о Мишке Кошевом, так и Григории Мелехове? Наиболее ясно эти вопросы прозвучали сначала со страниц «Правды», а затем и «ЛГ». В выступлениях М. Чарного («О конце Григория Мелехова и конце романа») и И. Гринберга («Арифметика и литература») была задействована одна из любимых категорий советской критики — типичность, категория, во всем объеме выверенная к этому времени по источникам марксизма-ленинизма: «...Шолохов своей силой художника заставляет нас верить в реальность Григория Мелехова. Тем самым идейно-художественное значение образа снижено. Можно пожалеть о том, что Шолохов не воспользовался образом Григория Мелехова, к которому он сумел привлечь внимание и симпатии читателей для того, чтобы сделать его образом типичным для большинства трудового казачества» (М. Чарный)⁵⁷. Предложенная Гринбергом параллель с горьковским типом «белой вороны», подкреплённая естественно цитированием знаменитых слов Егора Булычева («...не на той улице прожил»), была неубедительной, несмотря на риторически пафосное резюме о финале Григория Мелехова: «Но именно в этом состоит трагический его конфликт»⁵⁸. Получилось, с одной стороны, Мелехов — типичен, а с другой — вовсе нет. Упомянутый всеми читатель тоже путал карты, оказывается читатель именно *вслед за автором* доверяет Мелехову, и совсем не доверяет как раз типическому герою современности — Мишке Кошевому. И т. п.

10 августа в письме к Вьюркову Платонов обмолвится по существу актуального литературно-литературоведческого вопроса типического/нетипического героя и

соединит «очарование человека», о котором позже (в 1960-е) в связи с образом Григория Мелехова скажет сам Шолохов, с понятием правды жизни:

«Даже люди *заблудшие*, изображенные Вами (речь идет о романе Вьюркова. — *Н. К.*), имеют черты *человеческого очарования*. Это доказывает наличие в Вас сердца писателя, это является результатом *объективности художника*»⁵⁹.

11 августа главный разоблачитель трагического у Платонова Ермилов (кстати, читавший в 1934 г. статью Платонова «*О первой социалистической трагедии*») признает, что «Тихий Дон» есть «*первая советская трагедия*» и предложит весьма специфическое в своей оригинальности истолкование истоков трагического у Шолохова как объективной категории. Во всем, оказывается виноват «тихий Дон» (это по Ленину), а в названии романа скрыт иронический смысл: «...“Тихий” Дон! Он сломал жизнь Аксинье, Наталье, Степану Астахову». Даже все страдания Ильиничны, по Ермилову, «связаны с “тихим Доном”». Ермиловский вывод о трагическом в романе очень напоминает приведенную выше платоновскую формулу диалектики превращения «горя в радость»:

«Произведение, рассказывающее о трагедии откола, **разъединения**, поэтически служит делу того невиданного в истории морально-политического **единства** народа, которого мы добились под сталинским руководством. Скорбь читателя о судьбе Григория Мелехова есть одновременно и радость за тех, кому уже не страшны никакие яды старого мира, за весь наш народ, за его могучее сталинское единство, за преодоление неслыханных трудностей. <...> Читатели и критики правильно воспринимают Григория Мелехова в 8 части, как **другого, особого** человека, по сравнению с Григорием, известным нам по предшествующим частям романа. Этот **новый, особый, другой** Мелехов уже не имеет права на трагедию»⁶⁰.

Как ни покажется странным, но, кажется, что, запутавшись в литературоведческих категориях, за помощью Ермилов решил обратиться не к Ленину, а к Платонову, к его статье о Маяковском, в которой категории трагического и новаторства входят в центральное понятие «трагической жертвы». В опубликованной **25 августа** статье «Традиция и новаторство» Ермилов скажет то, о чем не сможет открыто сказать в связи с трагическим в «Тихом Доне». На Платонова допускается взвалить все, что не понято (а главное — не принято) в «Тихом Доне»:

«Тут утверждается извечная трагичность новаторства, “трагическая трудность новаторской работы”, которая неизбежно ведет к трагической жертве. Устанавливается “закон”, в силу которого “люди” вообще всегда и везде “сопротивляются и борются с ведущими их вперед”. Все это возвращает нас к давно, казалось бы, сданным в архив, заскорузлым представлениям о “герое” и “толпе”, об извечной активности первого и извечной же косности, инертности второй, о трагической жертве, приносимой “героем” “толпе”. Перед нами какая-то старомодная восьмидесятническая окрошка, в которой плавают и остаточек идеи Ф. М. Достоевского о том, что “не насилием, а жертвой спасается мир” (новатор жертвует жизнью — “истратил жизнь” — для того, чтобы содеянное им стало сокровищем народа). Нашу литературу, которая пытается раскрыть **новые закономерности**, уводят от этой главной ее задачи на старые традиционные пути. Но если **традиционность** оторвана от **новаторства**, она является просто **косностью**, эпигонством. <...>. Наше советское обще-

ство **качественно** отличается от старого общества. Ф. Человекову же кажется особенно тяжелой невозможность “отделиться от общества” <...> Из всего этого не следует, что трагедия того или иного новатора совсем невозможна и в новой действительности, или что новаторство дается легко, не требует жертв, испытаний, а порой и героизма. Новое всегда рождается с трудом, в борьбе со старым. Здесь возможны трагические случаи. Достаточно представить себе положение, когда по тем или иным причинам новатору не удалось прорваться из непосредственного, плохо сложившегося окружения, в “план” большой, подлинной жизни, преодолеть болезненную усталость, личное одиночество. От этой трагической **возможности** очень далеко до трагической нормы, до нерушимой вековой трагической трудности работы новатора, до извечного сопротивления “массы” — новатору. Недаром стахановское движение прорвалось снизу, из недр самой народной массы. Ведь новатору прошлых времен некуда было “прорываться”, кроме будущего! Поэтому трудность работы новатора и была трагичной. А в нашей действительности могучий ветер социализма все меньше оставляет возможности для длительного существования таких “непроветренных уголков”...»⁶¹.

В не отправленном Ермилову ответе Платонов даст язвительную характеристику советской критики: «блуждающий рассудок», переполненный «благоприобретенным мнением», а потому неспособный «понять другого» и отличить «ложный вымысел от беспокоящего огня действительности». Это сказано и по поводу трактовки Ермиловым финала «Тихого Дона». О советском понимании трагического говорится в этом документе с той убийственной иронией, «раны» которой, как признавался Платонов еще в 1931 г., у него «растрavляют» литературные дискуссии: «Это уже просто бормотание, здесь мысль автора “прогуляла”. Выходит, что если бы новатор прошлых времен мог прорываться в прошлое, то его участь не была бы трагической. Это, возможно, но это был бы уже ермиловский новатор, рвущийся в прошлое и веселый»⁶².

Ответ Ермилову останется в рукописи. **Август** — последний срок сдачи Платоновым пьесы-сказки «Избушка бабушки»⁶³. Пьеса была написана (автограф хранится в архиве М. А. Платоновой), но, скорее всего, так и не представлена в Детский театр. Тому были свои причины. В конце августа сгустятся тучи на другом фронте литературной жизни, теперь уже связанном с драматургией. Центром становится пьеса Леонова «Метель». **30 августа** датируется докладная А. Жданову по поводу пьесы Леонова, **18 сентября** принимается Постановление о пьесе «Метель»⁶⁴. **22 сентября** приговор Леонову выносится на страницах «ЛГ»: «Злую, издевательскую шутку проделывает Леонов над всеми своими “положительными” персонажами, измываясь над ними, наделяя отвратительными чертами»⁶⁵. **25 сентября** — докладная записка А. Жданову «О сборнике стихов Ахматовой», в тексте которой приведен обстоятельный список образов Ахматовой, «заимствованных из церковной литературы»⁶⁶. **29 октября** — Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О сборнике А. А. Ахматовой “Из шести книг”», в котором работникам издательства указано на грубую ошибку — издание сборника «идеологически вредных, религиозно-мистических стихотворений Ахматовой»⁶⁷.

Итак, можно сказать, две проблемы были решены. «За религию» (выражение самой Ахматовой о ситуации с ее запретом в середине 1920-х) — наиболее точно характеризует ситуацию 1940 г.: в концепции советской народности второй половины 1930-х религиозность отсутствовала, а антирелигиозная борьба, как и анти-

религиозная литература, оставались одной из неизменных примет как 1920-х, так и 1930-х гг. Напомню, «религиозное душеустройство» героев рассказов Платонова было выдвинуто писателю в качестве главного обвинения в статье А. Гурвича 1937 г. Вынесенный Ахматовой вердикт освобождал критику от многих мучений и неясностей, которые загадала последняя часть «Тихого Дона» и насыщенной религиозной символикой, которой отмечено последнее возвращение Мелехова, и центральной сцены смерти «мужественной старухи» Ильиничны.

Отработав на драматургии вопросы искажений типического положительного героя современности, критика наконец-то осенью 1940 г. вплотную подошла, может быть, к главному персонажу «Тихого Дона», вызвавшему в 1940 г. недоумение и крайнее раздражение, — к Михаилу Кошевому в последней части романа.

22 сентября еще один неутомимый критик Платонова В. Кирпотин укажет на связь Шолохова и Платонова, теперь уже через тему «искажений» положительного героя времени и «превратных представлений, губительных для искусства». Для трамплина выбирается статья Платонова 1938 г. о романе Олдингтона (входила в книгу «Размышления читателя») и изложенные в ней мысли о герое западно-европейского романа:

«Так Андрей Платонов <...> следующим образом доказывает исчерпанность буржуазной культуры. В среде, изображенной Олдингтоном, “трудно.., говорит он, не только все-рез полюбить кого-либо, даже Криса, но даже зачать ребенка почти не от кого. Дело тут не в морали и в духе, тут простой физики не хватает”. Взгляды эти выглядели бы совершенно комически, если б они не оказали влияния на практику некоторых писателей, изображающих врагов рабочего класса лишенными всяческой “физики”. Меж тем у буржуазии хватает “физики” и на организацию страшных войн в истории <...> А. Платонов создает “философию”, согласно которой и представителей масс приходилось бы изображать, как людей неполноценных, дряблых, вырождающихся...»

Последнее — это уже не к Платонову, а скорее намек на Мишку Кошевого, у которого почему-то «простой физики не хватает»... О нем далее сказано у Кирпотина уже без намеков, а скорее с нескрываемым осуждением автора «Тихого Дона»:

«Правдивость требует, чтобы передового человека современности, социалистического человека изображали не с “судорогой временного уродства”, как выражается тот же Платонов, а таким, каким он является на самом деле. Вопросы формы и должны рассматриваться с точки зрения того, как литература выполняет свои идейные задачи. <...> есть много книг, в которых новые советские люди выведены в качестве главных или побочных героев. К сожалению, люди эти большей частью выглядят в книгах мельче, бледней, менее привлекательней, чем в действительности. <...> Михаил Шолохов — писатель огромной известности, книгами его увлекаются — и по заслугам. Однако образы коммунистов являются наименее разработанными, наименее совершенными в его книгах. Если бы коммунист Мишка Кошевой, такой же казак, как Григорий, был выведен в “Тихом Доне” с такой же полнотой и с таким же совершенством, как Григорий, каким бы он стал любимым героем читателя, и многое в романе стало бы яснее, много читательских недоумений было бы снято»⁶⁸.

Отдадим должное Кирпотину, нашедшему у Платонова образ «судорог временного уродства», столь точно характеризующий шолоховского Кошевого, так и не ставшего любимым героем читателя.

Опубликованная в этом же номере газеты статья исследователя творчества Л. Толстого и А. Блока П. Громова «Григорий Мелехов и Михаил Кошевой» завершила обсуждение «Тихого Дона» в 1940 г. В ней было сказано слишком много по поводу ситуации замешательства советской критики, сказано точно, чтобы дискуссию продолжать далее. К этой статье практически не обращались и позже, когда выстраивались глобальные концепции героя «Тихого Дона». Вот некоторые ее положения. Во-первых, по поводу «блужданий» критики вокруг типического характера героя «Тихого Дона»: «Несовпадение судьбы героя с развитием исторической коллизии — вообще частый случай в мировом искусстве. <...> Судьба Мелехова — яркий случай такого несовпадения, отклонения от норм. <...> Отклонение личной судьбы от нормы — обычный прием Шолохова». Во-вторых, о Льве Толстом и Шолохове. Лишь размером «Тихого Дона», отмечал Громов, можно объяснить «наивную близорукость» частых сопоставлений Шолохова с Толстым:

«В существе творческой манеры “Тихого Дона” нет решительно ничего общего с “Войной и миром”. Насколько Толстой любит анализировать простое, обыденное, повседневное, настолько Шолохов любит яркое, необычное, романтически-исключительное. Даже людей, среду, Шолохов нашел необыкновенных, в литературе небывалых. А главное — прямо противоположны методы психологического анализа этих двух писателей. Толстой разлагает простой психологией фактор на мельчайшие составные части, оттенки. Шолохов, напротив, из простого строит сложное, необыкновенное и возвышенное. Важнейшее в манере Шолохова — какое-то повышенное внимание к интенсивным восприятиям героя, к интенсивным его переживаниям. Индивидуально-неповторимое восприятие жизни героем сближает Шолохова с романтиками. Еще Блок определял романтизм как повышенное ощущение интенсивности личного переживания жизни. Почему полюбился читателю Григорий? Своим неисправимым романтизмом, яркостью и напряженностью чувств».

Громов напомнил об одном очевидном казусе советской критики, которая, во многом питаясь стихотворным опытом поэтов-комсомольцев, по сути дела свела понятие романтизма к весьма плоскому содержанию. Об этом, в частности, в эти месяцы пишет Платонов в рецензии на книгу романтических рассказов Паустовского, заключая характеристики советского романтизма («стерилизованная действительность», «оргия гуманизма», «слезы энтузиазма», «мнимая беллетристика») следующим выводом:

«Но “гуманистам” все стихии нипочем. Они решают все задачи с легкостью необыкновенной, потому что они не люди, а выдуманные автором тени из потустороннего мира, они еле очерчиваются скорописью автора».

За упомянутым Громовым вскользь именем Блока открывалось существенно иное, чем в советской литературе, понимание романтизма. Оно изложено автором «Двенадцати» в ряде его последних статей. Романтизм, отмечал Блок в полемике с эпигонами романтизма и символизма, это не литературное течение, а символ подлинно вечного, а потому и современного искусства, это «новая форма чувствования, новый способ переживания жизни»:

«... душа, которая помолодела, взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали, захлебнулась восторгом от близости к Душе Мира»;

«... подлинный романтизм не был отрешением от жизни; он был наоборот, преисполнен жадным стремлением к жизни, которая открылась ему в свете нового и глубокого чувства, столь же ясного, как остальные пять чувств, но не нашедшего для себя выражения в словах ...»;

романтизм — «новый способ жить с удесятеренной силой...»;

«Романтизм — условное обозначение шестого чувства... Романтизм есть не что иное, как способ устроить, организовать человека, носителя культуры, на новую связь со стихией»;

«Романтизм есть восстание против материализма и позитивизма <...> он есть вечное стремление, пронизывающее всю историю человечества, ибо единственное спасение для культуры — быть в том же бурном движении, в каком пребывает стихия. Романтизм и есть культура, которая находится в непрерывной борьбе со стихией ...» («О романтизме», 1919)⁶⁹.

Отмеченные Громовым у Шолохова «романтическая простота» и «романтизация повседневного» противостоят не блоковскому пониманию романтизма, а скорее общепринятому в советской эстетике 1920–1930-х. Классическое понимание романтизма, о котором в 1940-м напомнил Громов, присутствует в пафосе стихотворения Ахматовой «Ива» (оно открывало сборник 1940 г.), в «шестом чувстве» машиниста у Платонова (рассказ «В прекрасном и яростном мире», 1940), в «жадном стремлении к жизни» Григория Мелехова...

Кошевому Громов посвятит две главы статьи, окончательно запутав осенью 1940 г. главный вопрос дискуссии о «Тихом Доне». Получилось так. С одной стороны, Кошевой — это «мертвая схема»; «Михаил Кошевой абсолютно нехудожественен потому, что Шолохов явно хочет сделать его положительным героем»; «...ошибка Шолохова в том, что образ большевика он подменяет схематически мыслящим Кошевым»; «Кошевой, не понимающий диалектики истории, не понимающий реальных путей крестьянства в революции, этот Кошевой получился искусственным образом, где-то в реторте, вне диалектики жизненной борьбы»; «нетипичный герой начинает производить впечатление единственного закономерного образа. Художественно неправильный, схематичный образ Кошевого может создать впечатление, что судьба Григория — типическая судьба крестьянства». А с другой стороны, «художественный такт» (!) Шолохова состоит в том, что «в неудовлетворенности судьбой Григория виноват Кошевой, т. е. соотношение образов романа, его общая структура». Таким образом, Громов весьма искусно замкнул круг вопросов, которые советская эстетическая мысль объективно не могла (да и особо не хотела) прочитывать. Вывод Громова о «главном дефекте» романа — «Он (Кошевой. — Н. К.) интеллектуально ниже всех в романе, а должен быть выше всех» — с филигранной точностью формулирует суть не только историко-политических, но и глубоко личных претензий советской критики к последней части «Тихого Дона»⁷⁰. В «мертвой схеме» этого образа литературная общественность не могла не прочесть откровенный намек автора «Тихого Дона» на именитых его современников, творцов галереи положительных героев современности. О том, что этот намек был прочитан, свидетельствует стенограмма писательского обсуждения романа «Тихий Дон» в **ноябре 1940 г.** в Комитете по Сталинским премиям⁷¹.

Осенью 1940-го «Литературный критик» подпишет себе окончательный приговор, опубликовав статью Б. Емельянова «О “Тихом Доне” и его критиках», в которой подробно анализировалась методология «авторов самых чудовищных обвинений, сделанных Шолохову»⁷², а ряд этих авторов естественно открывал Ермилов с его концепцией трагического и новаторства. «Григорий Мелехов — трагический герой до самого окончания “Тихого Дона”, до последней строки», — доказывал Емельянов, а «“трагическая вина” критики» (заглавие 4-й главы статьи) — в ее чудовищном лицемерии и оголтелой тенденциозности:

«Критики преисполнены рационалистическим пафосом. С настоящим героизмом непоколебимых в правоте своих выводов мыслителей, доказывающих, что мир, не сходящийся с результатом их рассуждений, не реальный мир, критики а priori, без доказательств, без эстетического анализа объявляют ряд персонажей “Тихого Дона” нехудожественными и требуют поправок от Шолохова, указывая его “эстетические ошибки”»;

«И совершенно излишне подробно доказывать, как это делают некоторые критики, что художественная правда в романе Шолохова расходится с правдой действительности, ибо в таком случае весь роман был бы лишен всякой объективности и, следовательно, реализма»;

«Эти критики готовы объяснить эволюцию Григория одними влияниями выслушанных им речей, видеть его колеблющимся между уже существующими четко сформулированными принципами. Они упрекают Григория за равнодушие к истине, высказанной еще Гаранжей в госпитале, за пренебрежение к словам Подтелкова»⁷³.

Журнал со статьей Емельянова был сдан в набор **28 августа**, подписан к печати **29 октября**, а вышел как раз **в ноябре**, и статья читалась теперь уже в контексте высказываний о «Тихом Доне» не только критиков, но и маститых советских писателей и деятелей культуры. И все-таки обратим внимание на дату сдачи статьи Емельянова — **28 августа** и обратимся к материалам, не вошедшим в официальную хронику литературной жизни августа 1940 г. Это закрытые заседания Президиума Союза писателей СССР от **15** и **26 августа**. Обсуждался лишь один вопрос — о Сталинских премиях. На первом заседании, которое вел и.о. Секретаря президиума П. Павленко, был намечен список возможных лауреатов главной литературной премии и принято решение в течение 10 дней ознакомиться со всеми намеченными к обсуждению произведениями. «ЛГ» было рекомендовано не вмешиваться в процесс принятия решения: «...не выступать на своих страницах со статьями на предмет защиты сталинских премий». То ли потому, что шел летний август, то ли по иным обстоятельствам, но заседание президиума не было представительным: от президиума всего 4 человека (Катаев, Лебедев-Кумач, Соболев, Федин), от Правления ССП — один критик Кирпотин, от партбюро Жаров и Оськин. Правда, утвержденный список возможных лауреатов выглядел весьма представительным. **По прозе:** Шолохов — «Тихий Дон», Сергеев-Ценский — «Севастопольская страда», В. Гроссман — «Василий Кольчугин», Зощенко — «Уважаемые люди», Федин — «Санаторий Арктур». **По поэзии** — две книги: Асеев — «Маяковский начинается», Щипачев — «Лирика», а также: Алтаузен, Твардовский, Сурков, Лебедев-Кумач, Леонидзе, Симонов — за «стихи, опубликованные в 1940 г.». **По драматургии:** Погодин — «Кремлевские куранты», Вс. Иванов — «Вдохновение», Леонов — «Метель». **По критике:** Юзовский, Гурвич, Ермилов, Роскин, Дерман, Перцов, Кирпотин. Подготовка к обсуждению не была простой. Правится утвержденный список,

проставляется количество произведений, к уже намеченным именам прибавляются другие (Бахметьев, Панферов, Караваева, Лебедев-Кумач, Катаев, Новиков-Прибой, А. Толстой); у Зощенко «Уважаемые люди» (книга 1940 г.) заменяется на рассказы о Ленине. Заседание **26 августа** должно было быть более представительным, но в Москве не оказалось (помета в списке: «в отъезде») многих членов Президиума и заседание прошло в большем (добавились: Трнев, Караваева, Леонов), но не полном составе. Как свидетельствуют записи на листе «Материалы к закрытому заседанию президиума 26/VIII», неясным оказался главный вопрос. Если Первая высшая государственная дается за произведение 1940 г., то списки лауреатов надо уточнять: у кого-то произведение вышло совсем недавно, в 1938–1939 гг., у Гурвича — в печати. Очевидно, обсуждалось и предложение Трнева: «Сталинскую премию надо дать, подведя итоги Сов. л-ры». Судя по тем же пометам, предложение Трнева не было принято, и сначала из претендентов исключили в целом критику, затем драматургию, потом поэзию, а решение было принято в формулировке П. Павленко: «Имея в виду большое политическое значение, какое будет иметь присуждение премии им. т. Сталина за лучшее произведение 1940 года, представить Комитету по Сталинским премиям одну кандидатуру — кандидатуру т. Шолохова и роман его “Тихий Дон”, окончание которого приходится на 1940 год. Ограничиваясь одной кандидатурой из ряда других, имеющих выдающиеся успехи за текущий год в прозе, поэзии, драматургии и критике — президиум ССП СССР подчеркивает этим значение, придаваемое им присуждению премии им. т. Сталина»⁷⁴. Конечно, как свидетельствуют последующие события, это решение Президиума в писательской среде не было воспринято как бесспорное. Появившаяся **15 августа** в списке претендентов «Метель» Леонова уже в сентябре возглавит список крамольной антисоветской советской драматургии. В этом же ряду — и специальное постановление о сценарии В. Катаева. **23 сентября**, за несколько дней до принятия партийных постановлений, обоим участникам заседаний Президиума будет посвящено специальное расширенное заседание того же самого писательского форума, но уже в полном составе⁷⁵. Не без страстей вокруг премии в области поэзии за 1940 г. совсем скоро будет принято решение об Ахматовой. Среди тех, кто в 1940-м выдвинул Ахматову на главную премию, исследователями порой называются имена Фадеева и Пастернака. Сама же Анна Андреевна назовет другое имя: «На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Стал<инскую премию> (1940). Его поддержал А. Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премию должен был получить Н. Асеев за поэму “Маяковский начинается”. Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях: “Из шести книг” была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек»⁷⁶.

Емельянов, автор аналитической обзорной статьи о глупостях в суждениях критиков «Тихого Дона», подписанной в печать через два дня после принятия решения Президиума ССП по сталинской премии, не учел, что обсуждение вопроса о сталинской премии только еще начинается. Об этом, в частности, говорит прошедшее **27 сентября** в Союзе писателей представительное совещание критиков, доклад на котором делает Кирпотин. И вновь участник вышеназванных заседаний Президиума ССП говорит — о небесспорности «Тихого Дона». Причем, «Тихий Дон» в выступлении Кирпотина фактически замыкал ряд произведений, авторы которых допустили ряд грубых ошибок в изображении героя современности: «За-

кон жизни» Авдеенко, «Метель» Леонова, «Опасные связи» Зощенко, «Домик» Катаева», «Санаторий Арктур» Федина:

«То же самое можно сказать о Шолохове. <...> Кошевой схематичен у Шолохова, он выполняет заранее предназначенную ему автором функцию. <...> В этом сильнейшем произведении последних лет образ коммуниста, т. е. человека, который оказался правым, рядового низового коммуниста, человека массы, выглядит много беднее, чем он есть в действительности.

Образ Кошевого — конечно, образ схематичный, написанный с некоторыми предвзятыми намерениями. Вся краска, все богатство душевной дифференциации, все то, что нужно для того чтобы изобразить большую волю, большие страсти, новую социальную гуманность, беспощадную к врагам, но созидающую новые социалистические законы общежития, — все эти моменты должны быть художником использованы для того, чтобы создать образ нашего человека»⁷⁷.

Почему в 1940-м никто из критиков не спросил автора «Тихого Дона» о странном финале романа, то нам неизвестно. Не исключено, что и сам Шолохов не хотел встречи с ведущими московскими критиками. Известно другое, что с **конца июля** Шолохов напряженно занимается далекими от литературных дел вопросами. Об этом говорит его письмо к Сталину от **19 августа 1940 г.** Просьба принять его — «по вопросам колхозного хозяйства северных районов Дона». Новая беда — засуха, гибель семенного фонда, возможность голода. Сталин примет автора «Тихого Дона» **23 августа**, а **19 ноября**, как раз к заседанию Комитета по Сталинским премиям Шолохов получит подарок — принимается постановление по его письму от 19 августа.

Из литературной хроники конца 1940-го назовем только проходившее с **29 октября по 10 ноября** в Союзе писателей обсуждение главных книг о Маяковском: «Маяковский начинается» Н. Асеева, «Наш современник» В. Перцова, «О Маяковском» В. Шкловского, «Маяковский и его спутники» С. Спасского, «Владимир Маяковский» С. Трегуба, «Рассказы о Маяковском» В. Катаняна, «Маяковский — сам» Л. Кассиля. Ахматову на дискуссии уже не вспоминали. Самого Платонова на обсуждении не было (не пригласили или сам не пришел, как то могло быть, — неизвестно). Зачем-то упомянет имя Платонова Л. И. Тимофеев, выступавший на дискуссии с общим докладом и выбравший имя Платонова как некую эмблему прозвучавшего вредного тезиса «одиначества Маяковского и после Октября»:

«В статье Человекова (Литературное обозрение, № 7, 1940) выдвинута очень странная концепция. Ф. Человеков говорит, что в сущности причина гибели Маяковского заключается в самой специфике его работы, “в трагической трудности работы, в подвиге поэта”, и в этом автор видит причину ранней смерти Маяковского. Он считает, очевидно, что поэт, полно и напряженно себя выявивший, этим обрекает сам себя на гибель. Вот такого странного рода размышления о Маяковском, с которыми мы сталкиваемся, сказались и в книгах о Маяковском»⁷⁸.

Мог бы, казалось, Леонид Иванович и не упоминать в октябре 1940 г. имени Человекова-Платонова. Тимофеев хорошо знал, как трудно в 1938 и 1939 гг. шла подготовка книг статей Платонова в издательстве «Советский писатель», где он

возглавлял отдел критики и литературоведения. От почти ритуальной критики Платонова отказаться было непросто...

В декабре закрывается «Литературный критик»: «Вредным для литературы и критики является тот факт, что журнал “Литературный критик” обособился от советской литературы, от живых литературных вопросов. <...> Журнал занимается советской литературой случайно, совсем не работая над ее историей»⁷⁹. **20 декабря** в Политбюро утверждается постановление «О порядке присуждения Сталинских премий по науке, искусству и литературе», в первом пункте которого сказано: «Отложить принятие решений по Сталинским премиям по науке и искусству»⁸⁰. Постановление о присуждении сталинской премии 1-й степени было опубликовано только **16 марта 1941 г.** на страницах «Правды». Список лауреатов отчасти рассказывает, почему было отменено принятое в августе Президиумом Союза писателей решение о сталинской премии, а также проясняет союзписательское участие в появлении главных партийных постановлений конца лета-осени 1940 г.: А. Толстой, С. Сергеев-Ценский, М. Шолохов, И. Купала, П. Тычина, Н. Асеев, К. Тренев, Н. Погодин, А. Корнейчук, А. Каплер, П. Павленко, И. Грабарь (по критике), А. Новиков-Прибой, Н. Вирта, Л. Киачели, Джамбул Джабаев, В. Лебедев-Кумач, Г. Леонидзе, А. Твардовский, С. Михалков (по детской литературе), П. Нилин, С. Вургун, К. Крапива, В. Соловьев.

Год 1940-й завершился. Для каждого из главных героев нашей хроники он был отмечен значительными событиями. Главным для Платонова, конечно, было освобождение сына Платона... Для Шолохова — завершение «Тихого Дона». Для Ахматовой — мгновение выхода из литературного небытия. Встречались ли Платонов и Шолохов с Ахматовой в 1940-м — о том ничего неизвестно. Они встретились в общем поле большой русской литературы, что не менее важно. Знаки неслучайности встречи Платонова с Ахматовой, Зощенко и Шолоховым в 1940-м заключены не в литературной жизни, а скорее в главных темах их творчества, в том, что называется поэтикой писателя. Литературная хроника 1940-го, контуры которой мы обозначили, скорее лишь подтверждает неразрывность судьбы и поэтики.

В «железном самотеке истории» встретились сыновья Платонова и Ахматовой. Здесь — своя хроника. Май 1938 г. — арест сына Платонова, шестнадцатилетнего школьника (освобожден в октябре 1940 г.). 22 октября 1935 г. — первый арест сына Ахматовой и Гумилева — студента исторического факультета Ленинградского университета. После письма, которое Ахматовой удалось передать Сталину, 4 ноября 1935 г. Лев Гумилев был освобожден из-под стражи. «Тихий Дон» был любимым романом Льва Николаевича Гумилева и, кажется, 2-я глава «Реквиема» появилась не без этой биографической реалии:

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Под главкой дата — 1938. В марте 1938 г. — второй арест сына, студента исторического факультета университета. Обвинение — за «участие в молодежной анти-советской террористической организации в ЛГУ», приговор Военного трибунала — 10 лет ИТЛ⁸¹. Среди глав поэмы, отмеченных 1940 г., 2-я часть 10-й главы «Распятие» кроме евангельского содержания, имеет, кажется, также и современное — литературное:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

В дискуссиях 1940-го о «Тихом Доне» на страницы о последних днях жизни ставшей чужой в родном доме, больной, одинокой и «надломленной страданиями» матери Григория Мелехова никто из критиков вообще не обратил внимания. «А туда, где молча Мать стояла, // Так никто взглянуть и не посмел», — Ахматова была, кажется, единственной, кто адекватно прочитал эту великую сцену «Тихого Дона» уже в 1940 г. Метафизические глубины встречи в 1940-м Шолохова, Платонова и Ахматовой по-своему объясняет и отношение А. Солженицына к «Реквиему» Ахматовой. Воспроизведем встречу Ахматовой и Солженицына по работе С. Коваленко:

«Ахматова с большим интересом отнеслась к публикации первых произведений А. И. Солженицына. В “Одном дне Ивана Денисовича” ее волновала и сама тема, из запретной вдруг сделавшейся свободной, и первооснова повествования — факты лагерной жизни, не как игра творческого воображения, не как воспринятое с чужих слов, а как пережитое самим автором, еще недавним зеком. Когда Солженицын выразил желание посетить Ахматову, она с радостью его приняла, прочла ему “Реквием”, о котором он сказал: “Это была трагедия народа, а у вас только трагедия матери и сына”. Оценка “Реквиема” А. И. Солженицыным не могла не огорчить. Несколько удивленная, она тем не менее внесла в текст “Вступления” по его совету строку: “Шли уже осужденных полки...”, — как подтверждение “массовости” происходившего. Нам неизвестно, читала ли Ахматова в эту встречу Солженицыну весь “Реквием” или только отдельные его части, создавшие ощущение локальности, суженности темы. Так или иначе, осталось незамеченным главное в поэме — полное слияние скорби матери, ее горя с горем других женщин России, всеобщность беды и сопричастность их судьбе»⁸².

В этой «главной» теме — материнских страданий — проходит совпадение-встреча в русской литературе Шолохова, Ахматовой и Платонова. При ярчайшей индивидуальности каждого из них, они оставались кудесниками слова-образа, явив чудеса свободы творчества и победы русского словесного искусства в «железном самотеке» истории и советской культуры. В сравнении с Солженицыным, одной из масштабных фигур в русской литературе второй половины XX в., проза Платоно-

ва, Зощенко и Шолохова (о лирике Ахматовой даже и не говорим) являет линию почти чистого искусства для искусства (как его понимали, например, А. К. Толстой и А. Фет). «Архипелаг ГУЛАГ» добавляет новые факты к «Котловану», но небольшая «тихая» повесть Платонова отнюдь не исчерпывается разоблачением «свинцовых мерзостей» коллективизации и сталинской эпохи. Расхождение Солженицына с Шолоховым, о котором уже немало написано, помимо всего кроется и в расхождении поэтик писателей. В шолоховской поэтике доминирующим оставался лирический эпос жизни народной (с разными формами и содержательными уровнями его актуализации в «Тихом Доне», «Поднятой целине» и «Судьбе человека»), в поэтике Солженицына доминирующей оставалась хроника как последняя «правда жизни». Соединение хроники и образа — нерв поэтики Платонова (как на макро, так и микроуровне) и ритм его пути художника-летописца жизни XX в. — как русской, так и мировой: «Этот путь — *сквозь страдания*, а не в обход его — тяжел, но другой путь пока неизвестен, и легкого пути поэт-подвижник не ищет» (статья «Размышления о Маяковском», 1940; 2, 346).

¹ См.: Ермилов и Платонов // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 425–433; Корниенко Н. «Заметки» Андрея Платонова // Русская литература. 1989. № 3. С. 179–191; Галушкин А. Андрей Платонов — И. В. Сталин — «Литературный критик» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000. С. 815–826.

² См.: Увековечение памяти В. В. Маяковского // Литературная газета (Далее — ЛГ). 1940. 10 янв. С. 1.

³ Асеев Н. Площадь Маяковского (Главы из повести в стихах «Маяковский начинается») // Правда, 1940. 24 янв. С. 4. Главы из поэмы «Маяковский начинается» печатались с 1937 г., последние — в феврале 1940 г.

⁴ Трегуб С. «Маяковский начинается» // Там же. 30 янв. С. 6.

⁵ Павлов С. Стихотворения Есенина // Литературное обозрение (Далее — ЛО). 1940. № 11 (5 июня). С. 26.

⁶ РГАЛИ, ф. 1234 (изд-во «Советский писатель»), оп. 5, ед. хр. 27, л. 2.

⁷ Там же. Л. 50.

⁸ Книги 1940 года. На заседании Ленинградского отделения ССП // ЛГ. 1940. 10 янв. С. 1. Подпись: А. Д.

⁹ Сталинские премии литературы // ЛГ. 1940. 5 февр. С. 1.

¹⁰ Гурвич А. Чувство времени // ЛГ. 1940. 5 янв. С. 3.

¹¹ Лифшиц М. Надоело // ЛГ. 1940. 10 февр. С. 4.

¹² См.: Галушкин А. Андрей Платонов — И. В. Сталин — «Литературный критик». С. 815–826.

¹³ Публикация рецензии в «ЛГ» (30 мая) последовала за проходившим в 20-х числах апреля обсуждением вопросов критики на заседании президиума Союза писателей. Оценка повести Алексея Митрофанова, данная «Литературным критиком» (рецензия А. Рагозина в № 2; в сокращении: ЛГ, 10 апр. С. 4), была подвергнута резкой критике в выступлениях Ермилова и Фадеева (ЛГ. 1939. 26 апр. С. 2–3). Имя Платонова-критика не раз прозвучало на пленуме. С защитой А. Гурвича от нападок «Литературного критика» выступила прозаик В. Герасимова; вновь обменялись репликами о сути гуманизма Платонова А. Гурвич и Е. Усиевич (Там же).

- ¹⁴ Лукач Г. К истории реализма. М., 1939. С. 369.
- ¹⁵ Лукач Г. Эммануил Левин // ЛО. 1937. № 19–20 (окт.). С. 55. Выделено у Г. Лукача.
- ¹⁶ Ермилов В. За живого человека в литературе. М., 1928. С. 75, 103.
- ¹⁷ Андрей Платонов в материалах ОГПУ — НКВД — НКГБ. 1930–1945 / Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. С. 869.
- ¹⁸ Там же. С. 865.
- ¹⁹ Опубл., см.: В. Ермилов и А. Платонов. С. 429. В публикации допущена ошибка в датировке письма: 15 V вместо необходимого: 15 IV.
- ²⁰ См.: Дневник критика // Литературный критик (Далее — ЛК). 1940. № 1 (январь); 5–6 (май-июнь).
- ²¹ Там же. 1940. № 2. С. 8.
- ²² См. зафиксированные агентами НКВД размышления Платонова 1936 г.: «... напрасно думают, что если наших литераторов переводят и читают за границей, то это из-за их талантности или еще по каким иным причинам. Нет, просто там любят почитать экзотику. Вот и переводят и издают индусских писателей, китайских, японских, ну и наших. Ради экзотики. А у нас уже торжествуют» (Андрей Платонов в документах ОГПУ — НКВД — НКГБ. С. 860).
- ²³ ЛО. 1938. № 17 (5 сент.). С. 16, 17.
- ²⁴ Там же. 1937. № 15 (10 авг.). С. 14.
- ²⁵ Там же. 1938. № 15 (5 авг.). С. 12.
- ²⁶ Там же. 1939. № 13 (5 июня). С. 16.
- ²⁷ Там же. 1938. № 23 (5 дек.). С. 18.
- ²⁸ Там же. 1939. № 12 (12 июня). С. 22.
- ²⁹ ЛО. 1941. № 6 (25 марта). С. 17.
- ³⁰ Там же. 1939. № 13 (5 июня). С. 16–17.
- ³¹ Там же. 1938. № 23 (5 дек.). С. 17–18 (рецензия на «Сборник начинающих писателей Красноярского края»).
- ³² Там же. 1940. № 8. С. 32, 33.
- ³³ Там же. С. 33, 35.
- ³⁴ См. письма редактора журнала к Платонову с приглашением печататься: РГАЛИ, ф. 2124, лп. 1, ед. хр. 25, л. 2–5, 48.
- ³⁵ РГАЛИ, ф. 631 (Союз советских писателей), оп. 15, ед. хр. 432, л. 21.
- ³⁶ РГАЛИ, ф. 615 (журн. «Литературное обозрение»), оп. 1, ед. хр. 54, лл. 50–54.
- ³⁷ Там же. Ед. хр. 432, лл. 5–31.
- ³⁸ Там же. Ед. хр. 436, л. 12.
- ³⁹ Там же. Лл. 20–27.
- ⁴⁰ См. об этом: Совещание в Союзе писателей. Чтение и обсуждение рассказа А. Платонова «Среди животных и растений» для журнала «Люди железнодорожной державы». 1936 // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. С. 327–347.
- ⁴¹ В рукописи и редакции 1936 г.: «...как будто ты тоже член всесоюзного союза писателей» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 53, л. 61).
- ⁴² РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 53, 26–28 (автограф), л. 65 (машинопись с авторской правкой).
- ⁴³ См.: ЛГ. 1940. 15 марта. С. 6.
- ⁴⁴ Гоффеншефер В. Заметки о «Тихом Доне» // ЛО. 1940. № 6 (20 марта). С. 7–8.
- ⁴⁵ См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 779.

- ⁴⁶ *Заславский Д.* Конец Григория Мелехова (М. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая) // Правда. 1940. 23 марта. С. 4.
- ⁴⁷ ЛГ. 1940. 5 июня. С. 6.
- ⁴⁸ Цит. по: Анна Ахматова: pro et contra / Сост. С. Коваленко. СПб., 2000. С. 699.
- ⁴⁹ Там же. С. 730–732.
- ⁵⁰ РГАЛИ, ф. 615, оп. 1, ед. хр. 54, лл. 152–159.
- ⁵¹ Цит. по: Анна Ахматова: pro et contra. С. 712, 714.
- ⁵² Николай Асеев. К творческой истории поэмы «Маяковский начинается» / Публикация А. Крюковой // Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 446.
- ⁵³ См.: *Платонов А.* Технический роман / Публикация В. Шенталинского. М., 1991. С. 43–45.
- ⁵⁴ РГАЛИ, ф. 1234, оп. 5, ед. хр. 28 (т. 2), л. 26.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 1. ед. хр. 25, л. 36.
- ⁵⁶ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 124, л. 1 об.
- ⁵⁷ *Чарный М.* О конце Григория Мелехова и конце романа // ЛГ. 1940. 26 июня. С. 4.
- ⁵⁸ *Гринберг И.* Арифметика и литература // Там же. 1940. 28 июля. С. 3.
- ⁵⁹ Андрей Платонов: Воспоминания современников. С. 435.
- ⁶⁰ *Ермилов В.* О «Тихом Доне» и трагедии // ЛГ. 1940. 11 авг. С. 3. Выделено у Ермилова.
- ⁶¹ *Он же.* Традиция и новаторство // ЛГ. 1940. 25 авг. С. 4.
- ⁶² Ермилов и Платонов. С. 431–433.
- ⁶³ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 28, лл. 1–2.
- ⁶⁴ См.: Власть и художественная интеллигенция. С. 455.
- ⁶⁵ *Фоменко В.* Клеветническая пьеса // ЛГ. 1940. 22 сент. С. 4.
- ⁶⁶ Цит по: Власть и художественная интеллигенция. С. 456.
- ⁶⁷ Там же. С. 462.
- ⁶⁸ *Кирпотин В.* О «среднем» писателе и о герое литературы // ЛГ. 1940. 22 сент. С. 2.
- ⁶⁹ *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 363–368.
- ⁷⁰ *Громов П.* Григорий Мелехов и Михаил Кошевой // ЛГ. 1940. 22 сент. С. 3.
- ⁷¹ См.: Новое о Шолохове. Исследования и материалы. М., 2003. (В печати.)
- ⁷² ЛК. 1940. № 9–10. С. 185.
- ⁷³ Там же. С. 188–189, 198.
- ⁷⁴ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 449, л. 1–11.
- ⁷⁵ См.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 466.
- ⁷⁶ *Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 196.
- ⁷⁷ РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 470, лл. 23–25.
- ⁷⁸ На обсуждении книг о В. В. Маяковском // ЛГ. 1940. 12 нояб. С. 2.
- ⁷⁹ Критика и литература // ЛГ. 1940. 8 дек. С. 1.
- ⁸⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 465.
- ⁸¹ Данные по: *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 404. (Примечания М. Кралина.)
- ⁸² *Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. С. 395–396.